И. Я. ГУРЛЯНДЪ

НА КРЕСТѢ

Повѣсть въ стихахъ ::

ПАРИЖЪ — 1921 г.

И. Я. ГУРЛЯНДЪ

НА КРЕСТѢ

Повѣсть въ стихахъ .:

ПАРИЖЪ — 1921 г.

Tous droits de reproduction,
de traduction et d'adaptation,
réservés pour tous pays.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I

Зима... Морозы... Гдѣ-то тамъ,
Въ странѣ изгнанья и страданій,
Среди тяжелыхъ испытаній,
Съ женою въ ссылкѣ Конъ Абрамъ.
Онъ — адвокатъ, еврей. Она —
Дочь генерала боевого,
Петра Зацѣпы Борового —
Ужъ больше мѣсяца больна.
Они не вѣнчаны. Такъ что-же?
Пусть что угодно говорятъ,
По мнѣ, супружеское ложе
Святитъ любовь, а не обрядъ.
А, впрочемъ, мелкая деталь —
Какая намъ о томъ печаль?!..

II

Отецъ — суровый генералъ,
Лицомъ, привычками — сынъ Марса,
Въ бояхъ прославился у Карса,
Еще онъ что-то штурмомъ бралъ.
Весь въ орденахъ и всѣмъ знакомъ.
Вспылитъ — топочетъ и бранится,
Но отойдетъ — угомонится,
Опять хохочетъ на весь домъ.
О, если-бъ зналъ онъ, что Лизета,
Его любимое дитя,
Презрѣвъ отца и мнѣнье свѣта,
Въ связи съ евреемъ, не шутя,
На мѣстѣ онъ убилъ бы дочь
И застрѣлился-бъ въ ту-же ночь.

III

Такъ странны люди. Мы во всемъ
Рабы повѣрій и погудокъ,
И самый пошлый предразсудокъ
Дороже правды намъ. Несемъ
Мы жертвы тяжкія ему.
Царитъ надъ нами безпредѣльно,
И аппелировать безцѣльно
Къ имъ зараженному уму...
По убѣжденью генерала,
Еврей — едва-ли человѣкъ.
Когда-то въ Польшѣ онъ, бывало,
Нагайкой ихъ жестоко сѣкъ...
Но дочь была хитрѣй отца
И тайну скрыла до конца.

IV

Она уѣхала въ Москву.
Какой былъ шумъ и сколько горя!
Однажды, съ дочерью повздоря,
Старикъ ей крикнулъ: «Все порву!
Въ Москву? На курсы? Стыдъ и срамъ!
Не допущу! Пустая мода...
Мои года, мой чинъ, порода...
Немедля замужъ васъ отдамъ...»
И, въ самомъ дѣлѣ, попытался:
Переговоры, сватовство —
Какой-то камергеръ болтался,
Его задумалъ взять въ родство.
Лизетъ стояла на своемъ,
И уступилъ старикъ во всемъ.

V

Отцы и дѣти! Шли вѣка,
Отъ поколѣнья къ поколѣнью,
А все жъ задача, къ сожалѣнью,
Отъ разрѣшенья далека.
Кому сочувствовать? Отцамъ?
Но чувство ихъ себялюбиво,
Почти всегда нетерпѣливо —
Не по плечу оно юнцамъ.
Межъ тѣмъ, птенецъ не оперился,
Такъ ненадеженъ, не окрѣпъ,
А ужъ почти отъ рукъ отбился,
И взбаламученъ и нелѣпъ...
Во власти домысловъ и грезъ,
Не видитъ онъ отцовскихъ слезъ...

VI

Какъ эти слезы тяжелы!...
Съ дѣтьми и горе, и заботы,
Но только въ дѣтяхъ смыслъ работы...
Уроки жизни очень злы...
Все для дѣтей, и мы горды,
Для нихъ себя мы не жалѣемъ...
Еще бы! Мы мечту лелѣемъ
Пожать со временемъ плоды...
Красивъ обманъ надежды ложной,
Но безпощаденъ перстъ судьбы!..
Не разобраться въ драмѣ сложной,
Какъ нѣтъ безсмысленнѣй борьбы...
Страдаютъ всѣ — виновныхъ нѣтъ...
За что? Зачѣмъ? Кто дастъ отвѣтъ?!..

VII

Старикъ по дочери грустилъ
И звалъ ее домой обратно,
Пока-же деньги аккуратно
Ей высылалъ и все простилъ.
Какъ вдругъ письмо... Въ немъ злая вѣсть:
Пришла на почту за посылкой...
Жандармы угрожаютъ ссылкой...
И почеркъ странный — не прочесть...
Отца безмѣрно удивленье...
Опять письмо: помочь нельзя...
Присуждена на поселенье...
Здорова... Съ ней ея друзья...
Старикъ ударомъ оглушенъ —
Онъ понялъ: дочери лишенъ...

VIII

Отчасти правда, частью — ложь
Въ извѣстьяхъ этихъ заключались.
Въ Москвѣ не мало совѣщались;
Тамъ знали, что старикъ былъ вхожъ
Ко многимъ изъ высокихъ лицъ,
Что, при его связяхъ и службѣ,
Онъ могъ прибѣгнуть къ старой дружбѣ
Вліятельныхъ круговъ столицъ.
Ударъ былъ нанесенъ не прежде,
Чѣмъ дѣлу подошелъ конецъ,
Чтобъ, на друзей своихъ въ надеждѣ,
Не вздумалъ хлопотать отецъ.
Боялись, не узналъ бы онъ,
Какъ съ Лизой тѣсно связанъ Конъ.

IX

Пора мнѣ Кона дать портретъ:
Лицомъ красивъ, высокъ и строенъ,
Въ движеньяхъ ровенъ и спокоенъ...
Какъ жаль, что слишкомъ онъ брюнетъ!
И портитъ нижняя губа:
Красна, припухла и отдулась,
Какъ будто даже повернулась,
Несоразмѣрна и груба.
Глаза большіе, лобъ высокій,
Наряденъ, тщательно побритъ,
Слегка насмѣшливъ взглядъ глубокій,
Краснорѣчиво говоритъ,
И плавно, мягко льется рѣчь —
Не трудно дѣвушку увлечь...

X

Казалось бы, она была
Иного, избраннаго круга...
Но случай... Школьная подруга
Въ театрѣ какъ-то ихъ свела.
Любовь! Никто не виноватъ:
На небесахъ не доглядѣли —
И не прошло одной недѣли,
Въ связи былъ съ Лизой адвокатъ.
Тутъ, впрочемъ нечему дивиться:
Уже давно къ тому идетъ,
Что современная дѣвица
Вся въ нервномъ трепетѣ и ждетъ...
О, приходилъ бы поскорѣй!
То не бѣда, что онъ — еврей...

XI

И я не склоненъ осуждать:
Ни развлеченій, ни занятья,
Отца отжившія понятья —
Въ концѣ концовъ, чего сй ждать?
Провинціальный высшій свѣтъ
(А, кстати, такъ-же и столичный),
Безцвѣтный, вялый и безличный,
Чѣмъ онъ живетъ и чѣмъ согрѣтъ?
Росла безъ матери, сироткой,
Отецъ — онъ полонъ былъ собой,
Наединѣ съ ворчливой теткой,
Окостенѣвшей и тупой...
Чѣмъ дальше время — тѣмъ скучнѣй,
И домъ — тѣснѣе и мрачнѣй...

XII

Свѣжа, подвижна и легка,
Какъ нѣжный, ровный жемчугъ, зубы,
Всегда полуоткрыты губы,
На верхней — усики слегка,
Чуть съ рыжиной, чуть вздернутъ носъ,
Глаза замѣтно близоруки,
Безукоризненныя руки,
Лобъ — въ рамкѣ вьющихся волосъ...
Ее тянуло къ жизни, къ людямъ,
Хотѣлось подвиговъ, борьбы...
Нѣтъ, Лизу осуждать не будемъ —
Она въ рукахъ своей судьбы...
Судьба — ошибокъ нашихъ сводъ,
Жизнь — аккуратный счетоводъ...

XIII

Глотались жадно горы книгъ,
Что подъ рукою, безъ разбора,
Само собой, — не мало вздора,
И все запоемъ, сразу, вмигъ...
Провинціальныхъ городовъ
Намъ библіотеки знакомы:
Случайно набранные томы,
Журналы кой-какихъ годовъ,
Романы дамскаго издѣлья
(Ихъ сотни — дряблыхъ и сырыхъ),
Гдѣ героиня отъ бездѣлья
Влюблялась сразу въ пятерыхъ
И гдѣ вздыхаетъ полубогъ
У каждой пары дамскихъ ногъ...

XIV

Тутъ Чеховъ, Горькій, Монтепэнъ,
Шекспиръ, Прево и Михайловскій,
Мирбо, Шпильгагенъ и Островскій,
А за одно «Арсэнъ Люпэнъ»,
Изъ подъ полы — Лассаль, Прудонъ,
Въ большомъ секретѣ — Чернышевскій,
Изъ новыхъ — Гамсунъ, Пршибышевскій,
Нитцшеніанцевъ легіонъ,
И нашихъ модныхъ декадентовъ
«Сіянья», «Трепеты», «Цвѣты»,
А спеціально для студентовъ
«Секреты женской красоты»...
Своеобразный ералашъ,
Но онъ не выдуманъ! Онъ — нашъ...

XV

Съ минуты встрѣчи роковой
Предъ Лизой молніей сверкнули
И все въ душѣ перевернули
Призывы къ жизни боевой...
«Самодержавье», «царскій гнетъ»,
«Разбить тяжелыя оковы» —
Слова ей не казались новы,
Но крикъ: «довольно съ насъ тенетъ»
Изъ этихъ устъ, уже любимыхъ,
Ее пушинкой подхватилъ.
«Впередъ за страждущихъ, гонимыхъ,
Кто жизнь народу посвятилъ!...»
Вчера спокойна и ровна —
Сегодня вспыхнула она...

XVI

Въ любви — источники чудесъ,
Въ любви — особая зараза,
И каждая пустая фраза
Звучитъ намъ голосомъ небесъ...
Что разумъ! Слабое дитя!
Онъ все уступитъ поцѣлую —
Любое чувство, мысль любую,
Не замѣчая и шутя...
Что разумъ! Если сбросимъ маски,
Мы и несложны и бѣдны...
Нѣтъ доводовъ умнѣе ласки,
Такъ глубоки и такъ полны...
Потомъ пусть споритъ цѣлый свѣтъ —
Мы гордо скажемъ: «Нѣтъ и нѣтъ!..»

XVII

Но то, что Лизу увлекло,
Свое имѣло обаянье...
Какое нѣжное сіянье
И какъ становится тепло,
Когда повѣримъ хоть на мигъ
Въ святую правду человѣка,
Въ возможность золотого вѣка,
Во все, что знаемъ мы изъ книгъ...
И на челѣ вѣнокъ терновый
Короны царственной пышнѣй...
Путь увлекательный и новый,
Дразнящій блескъ живыхъ огней...
И Лиза это поняла,
За мужемъ всей душой пошла...

XVIII

И каждый нервъ въ ней трепеталъ...
Такъ стало ей легко и ясно...
Восприняла съ порывомъ, страстно
Ей возвѣщенный идеалъ.
И сердце радости полно.
Какъ если-бъ властью доброй феи,
Любимый мужъ, его идеи —
Объединилось все въ одно...
Пусть это только заблужденье,
Пусть жалко молодость губить —
Возможно-ль выше наслажденье
И вмѣстѣ вѣрить и любить?!..
Расплата — да! Когда-нибудь!..
Теперь-же бодро дышетъ грудь...

XIX

Ключемъ забила жизнь въ Москвѣ...
Съ Абрамомъ въ обществѣ носились,
Къ нему съ любовью относились —
Божокъ, несомый во главѣ...
Собранья тайныя кружковъ,
Знакомство съ шумною столицей,
Друзья веселой вереницей —
Пусть временами безтолковъ
Ихъ день, всегда перегруженный,
Но увлекалъ водоворотъ
И этотъ милый, оживленный,
Безпечный, искренній народъ.
Онъ быстро Лизѣ сталъ своимъ,
И тѣсно подружилась съ нимъ...

XX

Столица изъ столицъ Москва!..
Нигдѣ нѣтъ жизни столь привольной —
Такъ о Москвѣ первопрестольной
Гласитъ народная молва.
Да и чего тамъ только нѣтъ —
Какихъ затѣй, какого блеска!
А сколько шума, сколько треска!
Особый міръ, особый свѣтъ!
Тамъ все особое: манеры,
Понятья, нравы и ѣда...
Особый вкусъ: безъ чувства мѣры —
Капризно и пестро всегда.
А гдѣ такъ ѣстся разстегай?
Гдѣ такъ охотно пьется чай?!

XXI

Москва — столица богачей
И пролетаріевъ безродныхъ,
Столица мыслей благородныхъ
И вызывающихъ рѣчей.
Отсюда нѣкогда Катковъ
Металъ на либераловъ громы,
И здѣсь-же славились погромы
Охотнорядскихъ мясниковъ.
Но годы шли, мѣнялись пѣсни,
Умолкъ московскій ретроградъ,
И молодежь толпой на Прѣснѣ
Шла умирать у барикадъ.
Катковъ едва ли ожидалъ,
Что можетъ быть такой скандалъ...

XXII

Москвы излюбленный герой,
Само собой, — купецъ московскій.
Намъ объяснилъ его Островскій.
Но все мѣняется съ порой.
Въ душѣ все тотъ-же самодуръ,
Онъ внѣшностью — англійской складки,
И иностранные порядки
Онъ любитъ даже черезчуръ.
Жену онъ бьетъ, но втихомолку,
И больше не блюдетъ постовъ,
И либеральничать безъ толку
При всякомъ случаѣ готовъ.
Читатель уличныхъ газетъ,
Онъ —прогрессистъ или кадетъ.

XXIII

Охотно ходитъ онъ въ трактиръ,
Какъ прежде, съѣстъ любую груду,
Но много рѣже бьетъ посуду
И не буянитъ на весь міръ.
Бывало, раньше, въ складъ входя,
Онъ къ образамъ бѣжалъ съ поклономъ,
Теперь — едва кивнетъ иконамъ,
Кой-какъ жилетъ перекрестя.
Понявъ значеніе диплома,
Дѣтей онъ въ школы отдаетъ,
Солидный въ людяхъ, строгій дома,
Онъ только праздниками пьетъ.
Онъ ходитъ въ оперу, онъ — франтъ,
Онъ не купецъ — негоціантъ...

XXIV

Но, онъ — толпа, онъ только — фонъ,
Москвы-же истинный властитель,
Ея верховный повелитель,
Ея безспорный камертонъ —
Ихъ я особо назову:
Владѣльцы фабрикъ и заводовъ,
Милльоны годовыхъ доходовъ,
Полсотни семей на Москву.
Одинъ — извѣстный собиратель,
Другой — художникъ иль поэтъ,
Тотъ — музыкантъ или писатель,
А этотъ возлюбилъ балетъ.
Мысль непростительно рѣзва,
Имъ все на свѣтѣ трынъ-трава.

XXV

Прищурясь на людей глядятъ
Съ высотъ отцовскихъ милліоновъ,
Не достаетъ имъ только троновъ,
Чтобъ быть царями за урядъ.
Ихъ символъ вѣры — декадансъ.
Живутъ въ дворцахъ. Тутъ мавританскій,
Тамъ — рококо, венеціанскій,
Иль что-то вродѣ ренессансъ.
Но большей частью неизвѣстный,
Свой собственный, московскій стиль,
Смѣшной, обидно неумѣстный...
Въ глаза Москвѣ пускаютъ пыль...
А какъ живутъ въ своихъ дворцахъ?
Тоска и мракъ во всѣхъ сердцахъ...

XXVI

Одинъ на горничной женатъ,
Другой опутанъ итальянкой,
А тотъ разводится съ цыганкой
(Ужъ нанятъ лучшій адвокатъ).
Иной вступилъ въ четвертый бракъ,
Иная въ третій разъ въ разводѣ,
И въ этомъ странномъ хороводѣ
Не разобраться намъ никакъ.
Случалось, точно въ мелодрамѣ,
Что послѣ разныхъ передрягъ
Вновь возвращался къ прежней дамѣ
Угомонившійся Варягъ.
Случалось — прежняя жена
На двухъ останется одна...

XXVII

Ихъ дѣды, бабки и отцы
Давали деньги на больницы,
На украшеніе столицы,
И даже лютые скупцы,
Кто строилъ школы, а кто — храмъ.
А сколько выстроили клиникъ!
Но современный Крезъ, онъ — циникъ.
«Опять въ карманъ профессорамъ?!..
Ну, нѣтъ!» — кричитъ. — «Стара система!
Да и деньга не дешева...»
И строитъ виллу «Хризантема» —
Пусть удивляется Москва!..
Иль вдругъ отвалитъ капиталъ
На спиритическій журналъ...

XXVIII

На смѣну баръ они пришли.
Москва была когда-то барской,
Преемницей Москвы боярской,
Хояйки строгой всей земли.
Въ балахъ, банкетахъ и пирахъ,
Жизнь протекала въ эмпиреяхъ,
Въ такихъ изысканныхъ затѣяхъ,
Что раззорились въ пухъ и прахъ.
И обѣднѣвшее дворянство
Забилось скромно въ уголки.
Отъ прежняго осталось чванство
Да кое-гдѣ особняки.
А въ это время росъ купецъ,
Пока не выросъ, наконецъ...

XXIX

Онъ выросъ дерзокъ и хитеръ,
Онъ дрессированъ на свободѣ,
Тщеславенъ, мелокъ по природѣ,
Напыщенъ, какъ плохой актеръ.
Князья и графы — bêtes noires
Для этихъ грубыхъ, омраченныхъ,
Своимъ богатствомъ развращенныхъ,
Въ душѣ — мѣщанъ, по виду — баръ.
Отсюда — вѣчныя гримасы
И раздраженье, и протестъ...
Хотя для улучшенья расы
Къ дворянству шлютъ искать невѣстъ.
И каждый очень былъ не прочь
За князя выдать свою дочь...

XXX

Какъ углубилась въ краткій срокъ
Ихъ роль въ общественномъ движеньи!
Себя считая въ небреженьи,
Хотѣли власти дать урокъ.
И было все: радикализмъ,
Опозицьонные банкеты,
Съ профессорами комитеты,
Смѣшно, но фактъ: соціализмъ!
Какъ хлопотали, какъ старались!
Глядѣли въ ротъ говорунамъ,
Въ программахъ плохо разбирались,
Но довѣряли сладкимъ снамъ!..
Милліонеръ — соціалистъ!..
О, чортъ, ты, право, юмористъ!..

XXXI

Хотѣлъ бы знать я, какъ теперь
Имъ революція по нраву?
Вполнѣ естественно, по праву
Ихъ первыхъ сталъ душить тотъ звѣрь,
Что ими вызванъ былъ изъ тьмы.
Мнѣ незнакомо чувство мести,
Но долженъ имъ сказать по чести —
Недальновидные умы!
Ужъ министерскіе портфели
Спускались плавно къ нимъ съ небесъ,
Но наглядѣться не успѣли,
Какъ сонъ плѣнительный исчезъ.
Что значитъ безъ толку итти
По столь опасному пути!..

XXXII

Но есть еще Москва. Она
Въ кривыхъ Арбата закоулкахъ,
На Поварской и въ переулкахъ,
Ея вся Бронная полна.
Тамъ зналъ я цѣлые дома
И даже цѣлые кварталы —
Квартиры тѣсны, бѣдны, малы,
Но въ каждой — залежи ума,
Интеллигентности и знаній...
Не очень, правда, это впрокъ,
Но нашихъ русскихъ дарованій
Таковъ ужъ неизбывный рокъ:
Что намъ практическій разсчетъ!
Насъ міръ идей къ себѣ влечетъ...

XXXIII

Они, какъ дѣти! Въ большинствѣ
Ихъ жизнь текла среди исканій,
Средь страстныхъ, гордыхъ нареканій —
Едва ли цѣнныхъ въ существѣ.
Какъ много гнѣва и огня,
Какіе замыслы и планы —
Не люди, думаешь — титаны,
Вглядитесь ближе — болтовня...
Борьбу ведя за обновленье,
Готовя массы для реформъ —
Что дали намъ? Обожествленье
И новыхъ словъ, и новыхъ формъ...
Въ концѣ концовъ, корабль ихъ плылъ
И безъ руля, и безъ вѣтрилъ...

XXXIV

Средь нихъ не мало докторовъ,
Полки статистиковъ, доцентовъ
Учителей и ассистентовъ,
Десятка два профессоровъ,
Но основной герой кружка —
Юристъ безъ практики. Идеенъ,
Краснорѣчивъ, самонадѣянъ,
Всевѣдущъ, судитъ съ кондачка,
Неутомимъ, крикливъ и боекъ,
Извѣстенъ рѣзвостью пера,
По существу едва-ли стоекъ,
Но мастеръ спорить до утра.
И былъ бы очень милъ, когда бъ
Къ спиртнымъ напиткамъ не былъ слабъ..

XXXV

Дѣвицъ и дамъ жужжащій рой,
Безъ исключенья некрасивыхъ,
Пустыхъ, до глупости спѣсивыхъ —
Бѣжать отъ нихъ готовъ порой...
На всѣхъ собраньяхъ, вечерахъ
Бурлятъ, шумятъ... А въ комитетахъ,
Въ комисьяхъ, секціяхъ, совѣтахъ?
Вездѣ за совѣсть, не за страхъ...
Онѣ — общественное мнѣнье
И репутаціи творцы.
Имъ знакъ подай — въ одно мгновенье
Разносятъ вѣсть во всѣ концы...
И гуломъ по Москвѣ идетъ —
Какъ снѣжный комъ, молва растетъ...

XXXVI

Но я отвлекся. Мой герой —
Къ нему вернуться я обязанъ —
Онъ съ либералами не связанъ,
Иною занятъ онъ игрой.
Москва мечтаній, пышныхъ словъ
И безпредметныхъ устремленій —
Въ глазахъ новѣйшихъ поколѣній
Давно ей приговоръ готовъ:
То — мостъ къ отжившему режиму,
Все тотъ-же буржуазный спрутъ,
Пути къ дальнѣйшему нажиму
На право и свободный трудъ.
И, протестуя, молодежь
Кричала громко: «Ложь и ложь!..»

XXXVII

Шла молодежь своимъ путемъ,
Не только съ ними не сближаясь,
Но противъ нихъ вооружаясь
И обвиняя ихъ во всемъ.
Шли на призывъ иныхъ вождей,
Иные замыслы лелѣя,
Разрыва съ прошлымъ не жалѣя,
Въ кругу болѣзненныхъ идей.
И сколько гнѣва, сколько злобы!
А сколько крови? Безъ конца...
Уже ничто не помогло бы
Смягчить тѣ юныя сердца...
Не даромъ Русь ты прозвана:
Многострадальная страна!..

XXXVIII

Въ числѣ вождей и нашъ герой.
На видъ незлобивъ, даже нѣженъ,
Въ душѣ порывистъ и мятеженъ,
Суровъ всегда, жестокъ порой.
Онъ со студенческихъ временъ
Извѣстенъ былъ, какъ агитаторъ,
И выдѣлялся, какъ ораторъ,
Находчивъ, рѣзокъ и уменъ.
Бывало, сиживалъ въ Бутыркахъ —
Всегда кончалось пустякомъ,
Годъ прожилъ съ дядюшкой въ Ахтыркахъ,
И все же получилъ дипломъ.
Пріятенъ всѣмъ и всюду свой,
Любимъ подпольною Москвой.

XXXIX

Абрамъ держалъ себя умно,
Настолько тонко, осторожно,
Что власти было невозможно
Къ нему придраться. Но давно,
Гдѣ политическій процессъ,
Тамъ онъ защитникъ. Рѣчью мѣткой,
И содержательной, и ѣдкой,
Онъ достигалъ подчасъ чудесъ.
Всегда съ особеннымъ стараньемъ
Подчеркивалъ, что только могъ,
И судъ кончался оправданьемъ,
Иль не былъ приговоръ такъ строгъ.
Разъѣзды, партія, дѣла —
Въ работѣ жизнь его текла.

XL

Оставшись рано сиротой,
Онъ получилъ большія средства.
Когда вступилъ въ права наслѣдства,
Широко, просто, съ теплотой
Помогъ друзьямъ, кто побѣднѣй.
Потомъ двѣ трети состоянья
На пропаганду и изданья,
Онъ отдалъ партіи своей.
Былъ и романъ. Не очень сложный:
Съ одной изъ маленькихъ актрисъ,
Гдѣ, вмѣсто чувства, пафосъ ложный
И въ поцѣлуяхъ ложь кулисъ.
Вдругъ встрѣтилъ Лизу. Все забылъ.
Быть можетъ, въ первый разъ любилъ...

XLI

Какъ Лиза счастлива была!
Не разъ Абраму повторяла:
«О, сколько лѣтъ я потеряла!
Я прозябала, не жила...»
Увы! Случайно въ ихъ среду
Одинъ рабочій затесался,..
Такимъ онъ искреннимъ казался...
Онъ подготовилъ имъ бѣду.
Для Лизы первыя волненья:
Тюрьма, допросы... Но она
Была спокойна. Безъ сомнѣнья
Отчасти даже польщена...
Отправленъ въ ссылку былъ Абрамъ,
Конечно, съ нимъ и Лиза тамъ...

XLII

Жизнь — въ безконечной суетѣ,
И наблюдательные взоры,
Что день, то новые узоры
Находятъ въ этой пестротѣ...
Быть-можетъ, я не въ мѣру строгъ,
Иль недостаточно философъ,
Но существуетъ рядъ вопросовъ —
Ихъ никогда понять не могъ...
Творцы политики подпольной,
И эти руки всѣ въ крови —
Во мнѣ къ нимъ жалости невольной
Гораздо больше, чѣмъ любви...
Герои? Я молчу... Но мнѣ
Больнѣй и тягостнѣй вдвойнѣ...

XLIII

Должно быть, то особый даръ!
Пусть утверждаютъ: «За идею!..» —
Однако, даже и злодѣю
Не могъ бы я нанесть ударъ...
Быть и судьей, и палачомъ,
Считать себя непогрѣшимымъ,
Стоять надъ трупомъ недвижимымъ
Съ еще дымящимся мечомъ,
Не тяготиться злодѣяньемъ,
Торжествовать, что врагъ сраженъ,
И вѣрить, что такимъ дѣяньемъ
Свѣтильникъ истины возженъ —
Нѣтъ, это все не для меня...
Должно быть, слабонервенъ я..

XLIV

А, впрочемъ, это старый споръ.
Вокругъ него все дышитъ страстью,
И къ общерусскому несчастью,
Не разрѣшенъ онъ до сихъ поръ.
Онъ и не будетъ разрѣшенъ:
Кто зараженъ партійнымъ ядомъ,
На все глядитъ особымъ взглядомъ
И безпристрастія лишенъ...
Идеи, лозунги, программы,
Условной правды тяжкій гнетъ —
Какъ сложенъ узелъ этой драмы!..
Кто объяснитъ намъ? Кто пойметъ?
Неразберихи русской плодъ...
Какой несчастный мы народъ!..

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Легко сказать: влюбленнымъ рай,
Легко сказать: любовь — святыня...
Но эта грустная пустыня,
Далекій и суровый край,
Куда попалъ съ женой Абрамъ,
Ударилъ ихъ по нервамъ больно...
Они крѣпились, но невольно,
Всего сильнѣй по вечерамъ,
Тоска сжимала грудь, и слезы
Глаза туманили и жгли...
А на дворѣ метель, морозы,
Сугробы снѣжные росли...
Казалось нѣтъ конца зимѣ
И этой вѣчной полутьмѣ...

II

Селенье въ двѣсти съ чѣмъ-то душъ,
Кругомъ якуты и якутки...
Коротки дни, а ночи жутки...
Какая дичь! какая глушь!..
Вокругъ болота и лѣса...
Мертво... Все спитъ въ молчаньи строгомъ...
Земля, отвергнутая Богомъ,
Тебя забыли небеса...
И день за днемъ въ такомъ безлюдьи,
И знать, что такъ пройдутъ года...
Администраторы и судьи,
Какъ вы жестоки иногда!..
Пусть непреклоненъ вашъ законъ —
Не вправѣ издѣваться онъ!..

III

«Страдаешь по моей винѣ...
Мнѣ тяжело, мой другъ! Не скрою!..» —
Такъ говорилъ Абрамъ порою,
Склонясь задумчиво къ женѣ.
«Унылый, ненавистный плѣнъ,
Съ его безмолвіемъ тоскливымъ...
Меня ты сдѣлала счастливымъ,
А я? Что далъ тебѣ взамѣнъ?!..»
Но Лизѣ странны эти рѣчи,
И утѣшала, какъ могла:
«Твоя! На вѣки! Съ первой встрѣчи!..
Съ тобою счастье я нашла...
Бодрись, о, милый! И, повѣрь,
Еще нѣжнѣй люблю теперь!..»

IV

Бывали и свѣтлѣе дни.
Абрамъ въ такіе промежутки
Ей говорилъ съ оттѣнкомъ шутки:
«Зачѣмъ тужить?!.. Не мы одни...
Намъ все-же легче, чѣмъ другимъ...
Здѣсь безъ сомнѣнья предпочту я,
Чѣмъ гнить въ казармахъ Акатуя...
Серьезно, мы судьбу гнѣвимъ!..
Мы предоставлены другъ другу,
Своей любви, своимъ мечтамъ,
И, вѣрю, важную услугу
Окажетъ эта ссылка намъ...
Наединѣ, всегда вдвоемъ,
Полнѣй любовь свою поймемъ...»

V

Въ два отдѣленія изба —
Ее скосило и пригнуло...
Убогій столъ, четыре стула,
Съ бѣльемъ и платьемъ короба,
Къ стѣнѣ широкая кровать,
Гдѣ можно, рухлядь кой-какая,
И пышетъ печь... Жара такая,
Что надо окна открывать,
Точнѣй два кропечныхъ оконца...
Сквозь нихъ едва проходитъ свѣтъ...
А, впрочемъ, отъ такого солнца
И въ самый полдень свѣта нѣтъ...
Въ печальной, сѣрой полумглѣ
Клонятся небеса къ землѣ...

VI

Въ работѣ Лиза день-денской,
То шьетъ, то что-то убираетъ,
То варитъ кушанье, стираетъ,
То, перепачкавшись мукой,
Какой-то крендель хочетъ спечь...
Не очень ей онъ удается,
Но Лиза шутитъ и смѣется,
Виновной объявляя печь...
Абрамъ съ ней неотлучно рядомъ.
Пусть и неловокъ помогать,
Но то окинетъ нѣжнымъ взглядомъ,
А то вдругъ схватитъ цѣловать...
Когда кто любитъ и любимъ,
Судьба безсильна передъ нимъ...

VII

Доставъ бумаги и чернилъ,
Что, кстати, лишь казалось просто:
До города верстъ было до ста —
Абрамъ въ недѣлю сочинилъ
Разсказъ «Евреи на Литвѣ».
Брался онъ за перо впервые,
Но всѣ герои, какъ живые, —
И Лиза въ гордомъ торжествѣ
За нимъ признала даръ поэта.
Онъ улыбался, но съ тѣхъ поръ
Не разъ писалъ всю ночь до свѣта,
Войдя въ писательскій задоръ.
И сочинилъ разсказовъ рядъ,
Писалъ запоемъ ихъ, подрядъ...

VIII

И каждый день, хотя на часъ,
Абрамъ — похожъ на эскимоса,
Жена — въ мѣху по кончикъ носа,
Шли на прогулку. Съ ревомъ мчась,
За ними гнался вѣтеръ злой,
То путь внезапно преграждая,
То снѣжной пылью обдавая,
То острой, тонкою иглой
Подъ мѣхъ врываясь, въ нихъ вонзался,
Ихъ опрокинуть былъ готовъ...
Морозъ чувствительнѣй казался...
Брели кой-какъ, почти безъ словъ,
А подъ конецъ — съ большимъ трудомъ,
И раемъ представлялся домъ...

IX

А все-жъ бывали вечера,
Когда вдругъ дѣлалось тоскливо.
Сидѣлъ онъ грустно, молчаливо,
Не въ силахъ въ руки взять пера.
Она работала, но взоръ
Былъ устремленъ куда-то въ дали,
И тихо слезы упадали
На вышиваемый узоръ.
Вдругъ отзвукъ брошеннаго слова,
Воспоминанье иль намекъ,
И оживетъ бесѣда снова,
Зажжется снова огонекъ...
Но въ эти ночи имъ страдать —
Обоимъ хочется рыдать...

X

Однажды онъ ей разсказалъ,
Какъ рано сталъ онъ террористомъ.
Еще въ Одессѣ, гимназистомъ,
Онъ долженъ былъ взорвать вокзалъ.
Кого-то ждали изъ князей.
Довольно сложно было дѣло,
Но приступили бодро, смѣло,
Ихъ было четверо друзей.
Подкопъ... Его вели толково,
Безъ суеты, не торопясь;
Еще немного, и готово,
Но вдругъ извѣстье: умеръ князь...
Увы! взорвался динамитъ,
Одинъ товарищъ былъ убитъ...

XI

Студентомъ въ Кіевѣ, проникъ
Онъ съ пропагандою въ казармы.
Шли по пятамъ его жандармы —
Смѣшно! онъ спрятался въ ледникъ,
На льду сидѣлъ до темноты...
Потомъ въ Житомирскомъ уѣздѣ
Работалъ на крестьянскомъ съѣздѣ —
Уже готовились бунты.
Народъ въ округѣ безземельный,
Тутъ — монастырь, а тамъ — магнатъ,
И только что процессъ земельный
Не въ пользу ихъ рѣшилъ Сенатъ.
Удачно дѣло провели:
Со всѣхъ концовъ уѣздъ зажгли...

XII

Приказъ отъ партіи: въ Москву!
Вотъ тутъ, дѣйствительно, работа!
Страна какъ бы ждала чего-то,
То были сны, но на яву...
У всѣхъ на памяти тотъ годъ :
Война, всеобщее броженье,
Волной аграрное движенье,
И взбудораженный народъ...
Душою въ каждомъ предпріятьи,
Широко крылья распустилъ
И сталъ среди подпольной братьи
Однимъ изъ главныхъ воротилъ...
Не трусъ, но былъ неуловимъ,
Казалось, онъ неуязвимъ.

XIII

Экспропріаціи, стрѣльба,
Попытки общаго возстанья,
Взрывались поѣзда и зданья —
Въ упоръ и на смерть шла борьба...
И море крови... Въ попыхахъ
Тогда не думали объ этомъ,
Но бунту послужилъ отвѣтомъ
Законъ о полевыхъ судахъ...
Абрамъ воскликнулъ: «Гибли массой...
Подумай! Гибла молодежь!..
И прикрывалось все гримасой
Патріотизма:.. Злая ложь...
За эшафотомъ эшафотъ, —
То дьяволъ велъ свой хороводъ!..»

XIV

Ни хвастовства, ни громкихъ фразъ
Въ простомъ его повѣствованьи,
И Лиза въ трепетномъ вниманьи
Абрама слушала разсказъ.
Въ ея глазахъ онъ — полубогъ!
Какой характеръ! Что за сила!..
И безъ конца его просила
Еще разсказывать... У ногъ,
Къ нему прильнувъ, она сидѣла,
Не шевелясь, но вся въ огнѣ,
Въ его глазахъ прочесть хотѣла,
Что въ нихъ таится, тамъ, на днѣ...
Съ такимъ умомъ, съ его душой —
Какой предъ нею онъ большой!..

XV

И только черезъ много дней,
Его разсказъ припоминая,
Вдругъ вздрогнула... И мысль больная,
Какъ червь, закопошилась въ ней...
Убійства, взрывы... Значитъ, онъ,
Вотъ этой ласковой рукою...
И кровь вокругъ лилась рѣкою...
И слышалъ онъ предсмертный стонъ...
Борцы во имя идеала —
О, Лиза чтила эту рать,
Но подъ борьбою понимала
Не убивать, а умирать...
Спросить? Боялась, не могла...
И тѣнь ей на душу легла...

XVI

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ —
Январь почти былъ на исходѣ —
Узнавъ, что топливо въ расходѣ,
Абрамъ занялся колкой дровъ.
А вьюга выла, точно звѣрь,
Стонала, плакала, томила...
И, какъ нарочно, печь дымила —
Пришлось держать открытой дверь.
Вдругъ говоръ, крики, стукъ въ ворота,
Минута — и полна изба...
«Кого я вижу? Мишу Рота!
Да васъ тутъ цѣлая гурьба!..»
Петровъ, Измайловъ, Бочаровъ,
Ревекка Пуриць, Комаровъ.

XVII

Откуда? Какъ? Былъ простъ разсказъ:
Послали ихъ въ Якутскъ, но вскорѣ,
На радость, правда, не на горе,
Послать сюда пришелъ указъ.
Довольны были, что сошлись.
Что болтовни, остротъ и смѣха!
До утра шла у нихъ потѣха,
Едва съ разсвѣтомъ разошлись.
Конечно, много приключеній,
Пока нашелся всѣмъ пріютъ,
Но что до мелкихъ огорченій,
Когда опять всѣ вмѣстѣ тутъ...
И быстро завертѣлся валъ,
Что день, то новый карнавалъ...

XVIII

Петровъ — замѣтно рябоватъ,
Блондинъ, съ растрепанной бородкой,
Сутуловатъ, съ смѣшной походкой,
Какъ щепка худъ, подслѣповатъ,
На лбу упрямо прядь волосъ,
Костюмъ обычно въ безпорядкѣ,
Не мало птичьяго въ повадкѣ,
И точно клювомъ загнутъ носъ.
Товарищъ школьный онъ Абрама,
Въ кружкахъ извѣстенъ, какъ поэтъ,
Почти закончена имъ драма:
«Рабочій черезъ двѣсти лѣтъ».
Не прочь экспромтомъ щегольнуть,
Хотя рифмуетъ «кнутъ» и «гнуть».

XIX

Онъ съ Лизой нѣженъ съ первыхъ дней,
Ея онъ рыцарь неизмѣнный,
И окрыленный, вдохновенный,
Онъ безъ конца болтаетъ съ ней.
Надежный другъ и строгъ къ себѣ,
Аскетъ въ привычкахъ и воззрѣньяхъ,
Онъ весь въ полемикѣ и преньяхъ,
Весь въ политической борьбѣ.
Его порывисты сужденья,
Онъ разошелся — буря словъ,
Но чуть бѣда — безъ разсужденья
Помочь онъ каждому готовъ.
А бѣдняку онъ отъ души
Отдастъ послѣдніе гроши...

XX

Измайловъ — тотъ совсѣмъ другой.
Сосредоточенъ, непривѣтливъ,
Но наблюдателенъ и смѣтливъ,
Весь сжатый, жилистый, сухой.
Для дѣла онъ на все пойдетъ.
Сказалъ — достаточно. Такъ будетъ.
Что обѣщаетъ, не забудетъ,
Исполнивъ, молча отойдетъ.
Былъ подъ судомъ. Уже кончалась
Одна изъ этихъ жуткихъ драмъ,
Ужъ петля въ воздухѣ качалась,
Но отстоялъ его Абрамъ.
На видъ поповичъ. Безбородъ,
И некрасивъ, почти уродъ.

XXI

Петръ Бочаровъ — донской казакъ.
Онъ простоватъ и добрый малый,
Живой, общительный, удалый,
Съ телячью голову кулакъ,
По своему, хорошъ собой:
Вершковъ четырнадцати росту,
Напоминалъ Урьель Акосту
Курчавой русой бородой.
Пріятно пѣлъ, игралъ на скрипкѣ,
Съ нимъ было весело, тепло,
И что-то дѣтское въ улыбкѣ
Невольно всѣхъ къ нему влекло.
Въ Сибирь вторично возвращенъ,
Но этимъ мало онъ смущенъ.

XXII

О Ротѣ что могу сказать?
Еврейскій мальчикъ воспаленный,
Онъ за народъ свой оскорбленный
Весь міръ хотѣлъ бы наказать,
Россію, впрочемъ, больше всѣхъ:
Страна презрѣннаго холопства,
Гдѣ созданъ культъ изъ юдофобства,
Предметъ восторговъ и утѣхъ.
Убить, взорвать — кого угодно!
Пусть безпощадна будетъ месть...
Убить изъ мести — благородно!
Повѣсятъ? Что-же?! Только — честь!..
И надо было съ нимъ хитрить,
Чтобъ какъ- нибудь его смирить...

XXIII

Отдѣльной парой — Комаровъ
И неразлучная съ нимъ Пурицъ.
«Она — породы нервныхъ курицъ» —
Такъ говорилъ о ней Петровъ.
Головка на бокъ, строгій взглядъ,
Глаза — два круга. Вся въ волненьи,
Какъ бы всегда въ недоумѣньи.
Нескладный, встрепанный нарядъ,
Какъ будто выдалась ключица,
Грудь на вѣсу и какъ-то вкось...
Задѣть Ревекку — горячится,
Кричитъ, не слушаетъ — хоть брось!
Картавыхъ звуковъ шумный градъ,
И жизни, кажется, не радъ!..

XXIV

Она услужлива, не зла,
Дѣла партійныя — святыня,
И въ нихъ, поистинѣ, — твердыня:
Безъ колебаній на смерть шла.
Но въ общежитіи — бѣда!
Порою просто нестерпима:
Капризна, вздорна, нетерпима,
Что называется — зуда...
На Лизу сверху внизъ глядѣла,
Дала ей прозвище: «бисквитъ»,
И, придираясь то и дѣло,
Нѣтъ-нѣтъ, и больно уязвитъ.
Ей говорила: «вамъ — пикникъ,
А намъ — страдающій мужикъ!..

XXV

Ея сожитель — Комаровъ,
Герой крестьянскаго движенья.
Почти гигантскаго сложенья,
Еще крупнѣй, чѣмъ Бочаровъ.
Происхожденіемъ мордвинъ.
Рядъ лѣтъ учительствовалъ въ школѣ;
Благодаря желѣзной волѣ,
Онъ кверху выплылъ изъ глубинъ.
Онъ сталъ извѣстенъ въ первой Думѣ;
Краснорѣчивъ, настойчивъ, смѣлъ,
Онъ даже тамъ, при общемъ шумѣ,
Вліянье пріобрѣсть съумѣлъ.
«Долой поповъ и богачей!» —
Кричалъ онъ въ каждой изъ рѣчей.

XXVI

Онъ говорилъ: «я самъ — народъ!
Что намъ отъ вашихъ комбинацій
И хитроумныхъ махинацій?!..
Не надо намъ полусвободъ!...»
И прибавлялъ онъ: «будетъ часъ,
Мы все возьмемъ однимъ ударомъ
И, сосчитавшись съ вами въ старомъ,
Мы память истребимъ о васъ!...»
Все дерзче, злѣе разъ отъ раза,
Сталъ раздраженъ, неумолимъ.
Его излюбленная фраза:
«Народный гнѣвъ неутолимъ!..»
И весь дрожитъ, глаза горятъ,
И безпощаденъ этотъ взглядъ!..

XXVII

Абрамъ и онъ — уже давно
Идутъ различными путями.
Они не могутъ быть друзьями,
Хоть ихъ евангелье одно.
Абрамъ — политикъ, а Мордвинъ —
Бунтарь, ушкуйникъ, Стенька Разинъ,
Взъерошенъ, дикъ и несуразенъ...
Зажечь усадьбу, сжечь овинъ,
Убить помѣщика, гдѣ можно,
Зарѣзать или сжечь попа,
Всегда, во всемъ, неосторожно
Внушать народу, что толпа
Творитъ и право, и законъ —
Всѣмъ этимъ возмущался Конъ.

XXVIII

Однажды былъ оцѣпленъ домъ,
Гдѣ Комаровъ велъ засѣданье,
Уже стучатъ... То было зданье
Въ семь этажей. Народъ кругомъ.
Спасенья нѣтъ. Онъ по трубѣ,
Какъ по канату внизъ спустился,
Въ какой-то нишѣ притаился
И тамъ, довѣрившись судьбѣ,
Прождалъ до утра. Слышитъ — снизу
Кричатъ: «Лови! Держите!.. Воръ!..»
Онъ, не колеблясь, по карнизу,
Однимъ прыжкомъ, черезъ заборъ...
Разбился, былъ почти безъ ногъ,
Но только такъ спастись онъ могъ...

XXIX

А все-же нѣтъ такой игры,
Гдѣ былъ-бы каждый ходъ удаченъ:
Въ концѣ концовъ, онъ былъ захваченъ —
Пришлось смириться. Съ той поры
Гоняли изъ тюрьмы въ тюрьму,
Терпѣлъ на каторгѣ лишенья,
Ужъ недалекъ былъ отъ рѣшенья
Покончить съ жизнью. Но ему
Случилось встрѣтиться съ Ревеккой.
Онъ многимъ былъ обязанъ ей.
Онъ духомъ палъ. Почти калѣкой
Влачилъ весь ужасъ этихъ дней —
Ея порывъ, ея любовь
Его вернули къ жизни вновь.

XXX

Какъ за спасеніе тогда,
За чувство къ ней онъ ухватился;
Теперь онъ явно тяготился
И рѣзокъ съ ней почти всегда.
«Уйди!» — кричалъ онъ ей, сердясь.
И каждый день бывали стычки,
И только силою привычки
Тянулась между ними связь.
Однако, бѣдная Ревекка
Безъ колебаній шла за нимъ.
Ей идеаломъ человѣка
Онъ былъ. Она гордилась имъ.
Пусть часто онъ несправедливъ,
Она любила, все простивъ.

XXXI

И такъ, веселье, смѣхъ и шумъ
Царятъ въ убогой деревушкѣ.
Все служитъ поводомъ къ пирушкѣ —
Уйти отъ невеселыхъ думъ...
Но никуда имъ не уйти
Отъ безконечныхъ, старыхъ споровъ,
Отъ этихъ вѣчныхъ разговоровъ
О лучшемъ выборѣ пути.
Петровъ и Лиза шли совмѣстно,
Отчасти съ ними Бочаровъ,
А противъ нихъ, сплотившись тѣсно,
Ревекка, Ротъ и Комаровъ.
Абрамъ лѣниво шелъ на споръ,
Но если шелъ, то зло, въ упоръ.

XXXII

Измайловъ точно въ сторонѣ.
То молча ходитъ, то приляжетъ,
То вдругъ разсердится и скажетъ:
«Что растекаться въ болтовнѣ!..»
Петровъ задорнымъ пѣтухомъ
Бросался на друзей съ налета
И въ увлеченіи полета
Билъ ихъ и прозой, и стихомъ.
Кричитъ Ревекка неумолчно,
Спѣшитъ за нею Миша Ротъ,
Спѣшитъ сердито, нервно, желчно,
Давъ спору рѣзкій оборотъ.
Надъ всѣмъ и всѣми басъ гудитъ,
То Комаровъ свое твердитъ.

XXXIII

О, эти споры! День за днемъ
Ихъ начинали съ новымъ рвеньемъ,
Вели почти съ самозабвеньемъ,
Пылая страстью и огнемъ...
А для чего? Слова, слова...
Живою мыслью не согрѣты...
На все къ услугамъ трафареты —
Все та-же старая канва.
Для Лизы эти споры вновѣ,
Но тутъ впервые поняла,
Что впереди — потоки крови
И много горя, много зла...
И точно бы надъ нею вдругъ
Замкнулся страшный, страшный кругъ...

XXXIV

Разъ Комаровъ, чуть охмѣлѣвъ
(Охотно пилъ въ бесѣдѣ долгой),
Имъ разсказалъ, какъ онъ за Волгой
Загналъ двухъ офицеровъ въ хлѣвъ
И сжегъ, соломой обложивъ.
Въ деревню, по сосѣдству, рядомъ,
На усмиренье шли съ отрядомъ...
Одинъ изъ нихъ былъ долго живъ.
Онъ все хватался, нѣтъ ли сабли,
Кричалъ: «Попомните меня!..»
Схватили цѣпъ, схватили грабли...
Большая съ нимъ была возня...
Потомъ, конечно, строгій судъ,
Но все свои — не донесутъ...

XXXV

«А то мы вѣшали поповъ!..»
И, примостившись поудобнѣй,
Онъ разсказать хотѣлъ подробнѣй.
Вдругъ оборвалъ его Петровъ:
«Довольно! Слишкомъ... Это срамъ!
Борьба — тутъ можетъ все случиться,
Но этимъ хвастать и кичиться...»
Едва унялъ его Абрамъ.
Пирушка кончилась смущеньемъ.
Измайловъ точно не слыхалъ,
За то Ревекка съ возмущеньемъ
Твердила долго: «Вотъ нахалъ!..»
А Комаровъ, ужъ полупьянъ,
Все повторялъ: «Эхъ, ты, Баянъ!..»

XXXVI

Они ушли... Абрамъ не спитъ...
Не спитъ и Лиза... Всполошилась...
И вдругъ спросить его рѣшилась...
Его глаза, смущенный видъ —
Все поняла... Сомнѣній нѣтъ!
Не въ силахъ овладѣть собою,
Она поникла предъ судьбою —
Ее сразилъ его отвѣтъ.
«Одинъ лишь разъ!.. Но ты напрасно
Себя гревожишь... Я не звѣрь!..»
Сказалъ онъ тихо. — «Такъ ужасно
Быть палачемъ... Но мнѣ повѣрь,
Онъ по заслугамъ осужденъ,
Къ убійству былъ я принужденъ!..

XXXVII

«Онъ — юноша... Восторженъ, милъ,
Его любили... Принятъ всюду...
Могли ли думать, что Іуду
Злой духъ уже давно томилъ?!..
А онъ игралъ двойную роль.
Онъ предавалъ насъ, былъ измѣнникъ...
Когда потомъ онъ сталъ мой плѣнникъ,
Я ощущалъ и стыдъ, и боль —
Стыдъ за себя, за легковѣрье...
Какъ могъ такъ обмануться я,
Боль за него: еще преддверье,
Не началъ жить, почти дитя...
Онъ извивался, лгалъ, дрожалъ —
И я вонзилъ въ него кинжалъ...

XXXVIII

«Лизокъ! Терроръ необходимъ:
Насилье требуетъ насилья,
И чѣмъ настойчивѣй усилья,
Тамъ мы скорѣе побѣдимъ...
Не за себя, а за народъ
Мы бьемся, столько поколѣній!
Безъ запоздавшихъ сожалѣній
Должны стремиться мы впередъ.
Убить, легко-ли?! Но уступки
Диктуетъ власти только страхъ...
Движенье массъ? Надежды хрупки,
Народъ задавленъ, онъ — въ потьмахъ.
И не забудь: движенье массъ —
То будетъ невеселый часъ...»

XXXIX

Онъ Лизу съ нѣжностью привлекъ.
«Вопросъ поставленъ слишкомъ грозно,
Чтобъ отступать намъ! Да и поздно...
И день побѣды не далекъ!..
Жизнь — въ ней борьба, но и любовь,
А цѣль борьбы есть созиданье.
Но устранимо-ли страданье,
Когда взрѣзаемъ плугомъ новь?!..
Тебѣ мы кажемся жестоки —
Ты ошибаешься: мы — судъ,
Мы тѣ суровые пророки,
Что въ міръ благую вѣсть несутъ...
Нашъ крестъ тяжелъ, нашъ скорбенъ путь,
Но вправѣ-ль мы съ него свернуть?!..»

XL

Потрясена, къ нему припавъ,
Шептала Лиза: «Жизнь!.. Отрада!..
Не убивай! Зачѣмъ?! Не надо!..
Ты умный, ты, конечно, правъ,
Но ты — большой, ты — больше всѣхъ...
Быть можетъ, есть еще дорога...
Я разучилась вѣрить въ Бога,
Но убивать — то смертный грѣхъ!..»
Они сидятъ въ молчаньи жуткомъ...
Она дрожитъ... «Пойми!.. Прости!..
Нельзя прожить однимъ разсудкомъ...
У сердца есть свои пути...»
И какъ росинка на цвѣткѣ,
Слеза блеснула на щекѣ...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I

Война!.. Не скоро вѣсть дошла
До дальнихъ уголковъ Сибири.
Дойдя, въ знакомой намъ квартирѣ
Пріемъ восторженный нашла.
Причинъ восторга длинный рядъ:
Пусть людямъ угрожаютъ бѣды,
Тѣмъ глубже будутъ тѣ побѣды,
Что міру дастъ пролетарьятъ.
Война — дитя имперьялизма,
Его заносчивости плодъ,
Но сломитъ гнетъ капитализма
Войной разбуженный народъ.
Онъ все расцѣнитъ, все пойметъ,
Все опрокинетъ, все возьметъ...

II

И то, что создали вѣка,
Падетъ безпомощно въ мгновенье...
Ужасно будетъ то паденье,
Но мощь народовъ велика,
И міръ прекрасный создадутъ
Освобожденные народы —
Міръ братства, равенства, свободы,
Гдѣ царь одинъ — свободный трудъ!..
Они ужъ близки, дни возстанья,
Война ведетъ ихъ за собой...
Осуществятся тѣ мечтанья,
Что кровью политы святой...
Не умираетъ то зерно,
Что силы дѣйственной полно...

III

Петровъ былъ, какъ ребенокъ, радъ
И въ тотъ-же день на эту тему
Онъ сочинять засѣлъ поэму
«Освобожденный Петроградъ».
Воспламенился Миша Ротъ,
Онъ говорилъ, не умолкая,
Побѣду нѣмцамъ предрекая
И прославляя свой народъ.
Онъ восклицалъ: «война — злодѣйство,
Но съ нею конченъ русскій гнетъ,
И злополучное еврейство
Теперь свободнѣе вздохнетъ...
Не мы затѣяли игру,
Но намъ навѣрное къ добру!..»

IV

Торжествовалъ и Комаровъ.
«Теперь пойдетъ у насъ потѣха!..» —
Твердилъ онъ средь раскатовъ смѣха.
«Не унесутъ своихъ головъ!
Война, крестьянскіе бунты
У насъ рождаетъ, какъ извѣстно,
И всколыхнутся повсемѣстно
Милльоны сельской бѣдноты.
Кому на смерть итти охота?
За что? За Батюшку-Царя?
Не подѣлили тамъ чего-то,
А ты ступай и гибни зря?!..
Шалишь! Прошли тѣ времена!
Свободу намъ несетъ война!..»

V

Измайловъ сдержаннѣе всѣхъ,
Но тѣмъ сильнѣй его волненье.
«Какое можетъ быть сомнѣнье —
Не за горами нашъ успѣхъ!
Большая это вещь — война!..» —
Добавилъ онъ, чуть усмѣхаясь,
Затѣмъ, къ Абраму обращаясь,
Проговорилъ: «Что, старина,
Дождались мы съ тобой, какъ видно!
И никуда имъ не уйти...
Одно досадно и обидно —
Сидимъ, какъ звѣри, взаперти...
Тамъ совершится все безъ насъ —
Попались мы не въ добрый часъ!..»

VI

Не скоро, но пришло письмо,
Плелось окольными путями, —
Письмо со странными вѣстями:
«Грозитъ нѣмецкое ярмо...
Объединенье — лозунгъ дня...
Соплись всѣ партіи на этомъ,
И общимъ рѣшено совѣтомъ,
Усилья арміи цѣня,
Ей помогать, чѣмъ только можно...
Германія — опасный врагъ,
Безцеремонно и безбожно
Свободу націй топчетъ въ прахъ.
И этотъ врагъ неумолимъ —
Одинъ исходъ — покончить съ нимъ...

VII

«Война продлится много — годъ,
Возможно, кончится скорѣе:
Ходъ катастрофъ всегда быстрѣе,
Чѣмъ мелкихъ будничныхъ невзгодъ.
И вотъ тогда со всѣхъ сторонъ
Предъявятъ векселя къ оплатѣ.
Бунты внизу, нажимъ въ Палатѣ,
И самъ собою рухнетъ тронъ.
Есть, правда, группа пораженцевъ,
Но это вздоръ! Напоръ ихъ слабъ —
Рядъ политическихъ младенцевъ,
А во главѣ германскій штабъ.
Такъ очевидна цѣль войны —
Ихъ крики глупы и смѣшны!..»

VIII

Письмо заканчивалъ призывъ
Забыть партійные раздоры.
Тамъ неумѣстны эти споры,
Гдѣ все — движенье и порывъ.
«Куда уйти отъ дикихъ ордъ?!
Такъ нагло распустили крылья...
Страдаютъ всѣ отъ ихъ засилья —
И пролетарій, и ландъ-лордъ...
Французы, мы и англичане,
Бельгійцы, сербы — цѣль одна:
Рука въ рукѣ на полѣ брани,
За человѣчество война!
Съ народомъ мы, а не съ Царемъ —
Иль побѣдимъ, или умремъ!..»

IX

Друзья молчали. Но Абрамъ
Нашелся первый: «Все возможно!
Протестовать — неосторожно...
Въ одной изъ величайшихъ драмъ,
Какія міръ переживалъ,
Не разобраться намъ отсюда.
Терпѣнье! Будемъ ждать, покуда
Восторговъ схлынетъ первый валъ.»
Молчатъ... А мысли вереницей
Кружатся, давятъ и томятъ...
Блеснетъ нежданною зарницей,
И снова мракъ... Напрасно взглядъ
Отъ этой тьмы чего-то ждетъ —
Въ ней ничего онъ не найдетъ...

X

До боли ясно лишь одно:
Тамъ каждый мигъ родитъ героя,
Они-же выбиты изъ строя,
Здѣсь прозябать имъ суждено.
Явилась мысль итти на фронтъ.
Уже Петровъ писалъ прошенье.
Но мимолетно то рѣшенье —
А вдругъ отказъ? Какой афронтъ!
Еще потребуютъ подписокъ,
Особыхъ просьбъ, а можетъ быть,
Ихъ занесутъ въ позорный списокъ
Готовыхъ прошлое забыть?!..
И снова гложетъ ихъ тоска...
Да, жизнь бываетъ не легка...

XI

Опять письмо. На этотъ разъ
Уже значительно иное:
«Война, какъ мушка, все дурное
Изъ организма на показъ
Такъ быстро вытянула вдругъ,
Что не глядѣли бы — противно!..
Ведетъ себя демонстративно
Весь этотъ власть имущій кругъ...
Продажность, глупость, небреженье
И неприкрытый карьеризмъ...
За пораженьемъ пораженье...
Въ тупикъ загналъ себя царизмъ...
Народъ смущенъ, вездѣ грабежъ,
Безцѣльно гибнетъ молодежь...

XII

«И нѣтъ исхода... Мы должны,
Пренебрегая впечатлѣньемъ,
Твердить, что было бъ преступленьемъ
Возстать въ разгаръ такой войны...
Съ горы летитъ автомобиль —
Какъ въ этотъ мигъ мѣнять шоффера?!..
Но такъ сгустилась атмосфера,
Такой развратъ, такая гниль —
Возможенъ взрывъ ежеминутно...
Распадъ все глубже и яснѣй...
Душа болитъ, на сердцѣ смутно,
Темна судьба ближайшихъ дней...
Безсильно общество, а Царь —
Слегка ужъ чувствуется гарь...»

XIII

«Я говорилъ! — воскликнулъ Ротъ. —
Пытались жить самообманомъ,
Патріотическимъ туманомъ —
Былъ неизбѣженъ поворотъ...
Они иль мы — пора рѣшить.
Нѣтъ соглашенья, нѣтъ средины!
Вся цѣль ихъ подлой паутины
Насъ обмануть и придушить...
И отчего вамъ страшенъ нѣмецъ?
Чѣмъ лучше вашъ великороссъ?
Конечно, либеральный земецъ
Поставитъ иначе вопросъ,
Но мы могли и раньше знать —
Къ чему же было начинать?!..»

XIV

Петровъ кипѣлъ: «Не то, не то!.. —
Кричалъ онъ, Роту отвѣчая. —
Вы вѣчно вскачь, не различая...
Какъ быкъ на красное... На что
Намъ и свобода и прогрессъ,
Когда погубимъ мы Россію?
Въ какого вѣрите Мессію?
Стремитесь подъ германскій прессъ?
Когда бъ вы поняли, какъ страшенъ
Весь этотъ вашъ несчастный планъ!
На видъ заманчиво раскрашенъ —
Тѣмъ хуже! Лѣзете въ капканъ!
Повѣрьте мнѣ, въ одинъ присѣстъ,
Какъ воробьевъ, васъ нѣмецъ съѣстъ!..»

XV

И загорѣлся страстный споръ:
Желать побѣдъ иль пораженья?
Чѣмъ окрыляются движенья?
Друзья неслись во весь опоръ.
«Капитализмъ..., пролетарьятъ...» —
Кричатъ одни. Въ отвѣтъ другіе:
«Вы разумъ видите въ стихіѣ...
Что Ленинъ! Бросьте!.. Пустосвятъ!..»
И новый взрывъ: «Едва-ли вѣрно!..
Кто вашъ учитель? Юнкеръ Шмитъ?!..»
Петрова голосъ: «Знаю... Скверно!..
Народъ вездѣ антисемитъ!..»
Но всѣхъ звончѣй Ревекки крикъ:
«Плехановъ — трусъ и еретикъ!..»

XVI

А въ это время гдѣ-то тамъ,
Далеко, на поляхъ сраженій,
Войска, уставъ отъ пораженій,
Упали духомъ... По рядамъ,
Переходя изъ устъ въ уста,
Шли толки, слухи и догадки,
Все тѣ-же старые нападки,
Все та-же злая клевета...
Ужъ слово жесткое «измѣна»,
Сорвавшись, рѣяло кругомъ...
Дождь безъ конца, грязь по колѣна...
Снаряды рвутся... Гулъ и громъ...
Окопы кажутся тюрьмой,
И такъ всѣмъ хочется домой...

XVII

Солдатъ задумался, притихъ...
Онъ недоволенъ, критикуетъ
И все по своему толкуетъ...
Нѣтъ прежнихъ подвиговъ лихихъ —
Къ чему? Начальству на показъ?!..
А эти крики командира:
«Смѣлѣе, братцы! Честь мундира!..» —
Пустое! Для отвода глазъ...
Тамъ, на верху, по царской волѣ
Россію нѣмцамъ продаютъ,
И только ждутъ, когда поболѣ
Простого люда перебьютъ...
Жирѣютъ въ холѣ и теплѣ —
Нѣтъ, видно, правды на землѣ!..

XVIII

Попалъ изъ части въ лазаретъ —
Студенты, лекарь, фельдшерицы
И «милосердныя сестрицы»,
Весь этотъ странный винигретъ
Недоучившихся юнцовъ,
Надъ нимъ ведетъ свою работу,
И, возвратясь обратно въ роту,
Онъ начиненъ со всѣхъ концовъ.
Твердитъ, что Царь — всему помѣха,
Война — для выгоды господъ,
Народу — горе, имъ — потѣха,
И пропадетъ теперь народъ!
А въ чемъ здѣсь корень? Чтобъ какъ встарь
Самодержавно правилъ Царь!..

XIX

Шлютъ изъ деревни писемъ градъ,
И все о долѣ безотрадной:
Тамъ на войну порою страдной
Нежданно угнанъ старшій братъ,
Тамъ вдругъ былъ забранъ и отецъ,
Тамъ лошадей въ деревнѣ взяли,
Тамъ глупо плачутся, нельзя-ли
Домой вернуться, наконецъ...
Сѣро, уныло, безнадежно,
Какъ жизнь въ окопахъ, средь болотъ...
Душа настроена мятежно —
Злыхъ подозрѣній грустный плодъ...
Пусть даже онъ не виноватъ:
Такой солдатъ ужъ не солдатъ...

XX

Ударъ!.. Другой... За разомъ разъ...
Сочатся кровью эти раны...
Дивятся намъ другія страны,
Но намъ чужіе не указъ!
На картѣ будущность страны,
Ея величье и свобода —
То былъ экзаменъ для народа,
Насколько духомъ мы сильны...
По дивнымъ мраморнымъ колонамъ
Ударъ нѣмецкимъ сапогомъ,
И мы — сознаться тяжело намъ —
Мы обанкротились кругомъ...
И, можетъ быть, всего больнѣй —
Могли бы много быть умнѣй...

XXI

Мы всѣ виновны, всѣ слои:
Нашъ Царь, чиновники, дворянство,
Интеллигенція, крестьянство —
Не сберегли своей земли...
Вначалѣ крики, шумъ и звонъ,
Восторговъ пламенные взрывы,
Самонадѣянность, порывы,
Молебны у святыхъ иконъ...
Собою жертвуя нелѣпо,
Неслись мы бѣшенно, стремглавъ,
Такъ неразумно, дико, слѣпо —
Себя на долго подорвавъ.
Шли на ура, шли на проломъ —
Неотвратимъ былъ переломъ...

XXII

И, какъ всегда, метнулись вдругъ,
Внизъ головой, съ тоской, съ надрывомъ,
Съ насмѣшкой надъ своимъ порывомъ...
Тутъ и досада, и испугъ,
И горечь тяжкихъ неудачъ,
Но нѣтъ сознанія ошибокъ,
И болыше жестовъ и улыбокъ,
Чѣмъ пониманія задачъ...
И обвиненьямъ нѣтъ предѣла —
Одинъ другого такъ и ѣстъ!
Ничѣмъ не жертвуя для дѣла,
На все готовы изъ-за мѣстъ!..
Борьба, интриги, суета,
И мутной пѣной клевета...

XXIII

Откуда только что бралось?!..
Довольно перваго примѣра —
Смутился духъ, забыта мѣра,
Пошла телѣга вкривь и вкось...
Легко перешагнули грань...
Почуялъ конь — ослабли возжи,
И бурно забродили дрожжи,
И быстро омертвѣла ткань...
Толпа корыстна, зла и лжива,
И вотъ уже со всѣхъ сторонъ
Несется подлый кличъ «нажива!»
Какъ зимнимъ утромъ крикъ воронъ...
И грабить начали страну...
Могли ль мы выиграть войну?!..

XXIV

Должно быть, ждали мы чудесъ
И, убаюканные снами,
Не сомнѣвались, что надъ нами
Благословеніе небесъ...
Чѣмъ заслужили мы его?
Отъ поколѣнья къ поколѣнью
Своей халатностью и лѣнью?
«Авось», «небось» и «ничего» —
Вотъ три исконные кумира,
А рядомъ для пустыхъ головъ
О новомъ устроеньи міра
Фонтаны гордыхъ, пышныхъ словъ?!..
Россія — что! Переросли
Границы мы родной земли!..

XXV

А власть? Правительство и Царь?
Царемъ Россіи былъ Распутинъ,
Безстыденъ, грязенъ и безпутенъ,
Лицомъ — пропойца пономарь,
Душой — обманщикъ и хитрецъ,
Святой — для барынь отупѣвшихъ,
Любовникъ фрейлинъ перезрѣвшихъ,
Увы! Проникшій во дворецъ...
Царь и мужикъ — эмблема связи
Народа русскаго съ Царемъ!
О, что за ужасъ! Сколько грязи!
Слѣдовъ позора не сотремъ!..
Оплаченъ страшною цѣной
Капризъ неумный и больной...

XXVI

Душою въ омутѣ интригъ
Всѣ эти жалкіе министры!
Такъ непродуманны и быстры
Рѣшенья, планы... Каждый мигъ —
Испугъ и новый поворотъ:
То раскрываются всѣ шлюзы,
Уходитъ власть, вездѣ союзы,
Чиновникъ земцу смотритъ въ ротъ,
То вдругъ вся тяжесть запрещенья,
И гнутъ безъ толку въ три дуги...
Друзья исполнены смущенья,
И тѣмъ настойчивѣй враги...
И смѣны, смѣны каждый день —
Власть обратилась въ призракъ, въ тѣнь...

XXVII

Но дальше... Пусть виновна власть,
Пусть безграничны эти вины,
Но мы всѣ? Развѣ мы невинны?
Болтать и злобствовать, и красть,
Гдѣ можно, въ ходъ пускать обманъ
И беззастѣнчиво стараться
Къ народнымъ деньгамъ подобраться
И поскорѣй набить карманъ?!..
Быть можетъ, я сгущаю тѣни?
Читатель! Вспомни и скажи!..
А сколько безпросвѣтной лѣни?
А сколько глупости и лжи?!..
И вѣчный праздникъ! Что война?!..
Брильянтовъ, женщинъ и вина!..

XXVIII

Интеллигенція — увы!
Труда боялась, какъ заразы,
На все штампованныя фразы,
Партійны съ ногъ до головы...
Война, отвѣтственные дни,
И обстоятельства такъ круты —
Но въ эти тяжкія минуты
Чѣмъ занимаются они?
Какъ и всегда — «осадой власти»...
Въ печати, въ обществѣ, въ толпѣ
Они навинчивали страсти,
Толкая общество къ борьбѣ...
И дотолкались! Вбили колъ!
Несчастный, гибельный расколъ...

XXIX

Но забѣгаю я впередъ...
Друзья скучаютъ и томятся,
Въ иную пору и бранятся —
Что дѣлать! Одурь ихъ беретъ!
Одно и то-же каждый день,
И тѣ-же рѣчи, тѣ-же лица...
Есть отъ чего брюзжать и злиться,
Изъ дома въ домъ бродить какъ тѣнь...
Абраму, видно, всѣхъ тяжеле:
«Мы здѣсь — твердилъ онъ—какъ въ гробу!»
Лежалъ часами на постели,
Подавленъ, клялъ свою судьбу,
На Лизу безъ толку ворчалъ,
Подчасъ бранился и кричалъ.

XXX

Одно къ другому. Комаровъ
Отъ скуки — впрочемъ, не увѣренъ
(Копаться въ этомъ не намѣренъ)
Влюбился въ Лизу. Былъ суровъ
Ему оказанный пріемъ.
Но Комаровъ неугомоненъ:
«Разъ я рѣшилъ — я непреклоненъ,
Всегда поставлю на своемъ.
Да въ чемъ вопросъ? Я не по вкусу?
Вамъ больше нравится Абрамъ?
Отдаться этакому трусу —
Скажите, и не стыдно вамъ?!..
Прельстило вѣчное нытье —
Гдѣ ваше женское чутье?!..»

XXXI

Два съ лишнимъ года встрѣчи ихъ,
Всегда былъ съ ней довольно сдержанъ.
Ужъ не припадкамъ-ли подверженъ?
Потомъ онъ, правда, быстро стихъ,
Но никогда ей не забыть,
Какъ въ это утро былъ ей мерзокъ!
Такъ непристоенъ, грубъ и дерзокъ...
Дикарь! Кричалъ, грозилъ убить...
Ей стало больно за Ревекку —
Быть годы вмѣстѣ, день за днемъ,
Любить, отдаться человѣку,
Но такъ не разобраться въ немъ...
Судьба скучаетъ безъ проказъ:
Въ любви ни разума, ни глазъ...

XXXII

Какъ неожиданъ этотъ шквалъ!
Хотя малѣйшій былъ бы поводъ...
И золъ, настойчивъ, точно оводъ:
«Я васъ намѣтилъ, васъ избралъ!..»
Она заплакала въ отвѣтъ.
«Какъ вамъ не стыдно? Какъ вы смѣли?!..
Мужъ не проститъ вамъ!..» — «Неужели?»
Онъ засмѣялся. — «Мой совѣтъ
Ни слова обо мнѣ Абраму!» —
Онъ погрозилъ ей. — «Не прощу...
Чего хотите? Драки? Сраму?
Ни звука мужу... Отомщу!..»
Онъ былъ ужасенъ. Жутко ей...
Хоть уходилъ бы поскорѣй...

XXXIII

«— Абрамъ — ничто, актеръ... А я —
Пусть я дикарь, пусть безобразенъ,
Въ глазахъ Абрама — Стенька Разинъ,
Я — сила жизни, я — земля...
Я неспособенъ, какъ Абрамъ,
Дрожать, юлить на полдорогѣ,
Не жмусь я нищимъ на порогѣ,
Куда иду — я буду тамъ...
За кѣмъ пошли? Влюбились въ книжку,
Болтунъ, поддѣлка, лисій хвостъ...
Тутъ подожмется, тамъ — въ припрыжку,
Чуть топко — глянь, наводитъ мостъ...
Онъ знаетъ: я не другъ ему...
Что-жъ, подожду! Свое возьму!..»

XXXIV

«— Уйдите!..» — «Да, сейчасъ уйду!
«Еще два слова... Гнѣвъ умѣрьте,
А главное — вы крѣпко вѣрьте
Въ мою счастливую звѣзду.
Я не погибну, я всплыву,
Умѣю управлять судьбою,
Свой каждый шагъ беру я съ бою —
Тогда опять васъ позову...»
И тономъ горькаго укора
Прибавилъ: — «Глупое дитя!..»
Уже ушелъ онъ, но не скоро
Она могла притти въ себя...
«Какая наглость! Какъ онъ грубъ!» —
Срывалось съ возмущенныхъ губъ.

XXXV

Онъ продолжалъ къ нимъ заходить,
На видъ такой-же, съ Лизой ровенъ,
Съ Абрамомъ, въ общемъ, хладнокровенъ,
Но сразу, рѣзко бросилъ пить.
А черезъ мѣсяцъ вдругъ исчезъ.
И ни письма, ни объясненья.
Межъ тѣмъ, уже канунъ Успенья —
Въ такую пору страшенъ лѣсъ.
Какое горе для Ревекки:
Ни слова ей! Какъ онъ жестокъ?
Разстались, можетъ быть, на вѣки —
Какой-нибудь десятокъ строкъ...
Былой любви, допустимъ, нѣтъ,
Но слово дружбы иль привѣтъ...

XXXVI

Скрывать ужъ не было причинъ,
И Лиза мужу все сказала.
Такъ молода — она не знала,
Какъ сильны слабости мужчинъ.
Приревновалъ, и очень зло,
И ей-же приписалъ кокетство.
Онъ говорилъ: «Какое дѣтство!
Чѣмъ это кончиться могло?!..»
На близость лишнюю съ Петровымъ
Онъ указалъ ей: «Въ васъ влюбленъ...
Я не могу считать здоровымъ
Столь неумѣстный котильонъ!..»
Она рыдала. Онъ ворчалъ:
«Въ васъ нѣтъ устойчивыхъ началъ!..»

XXXVII

Потомъ, конечно, обошлось...
Онъ взялъ свои слова обратно,
Просилъ прощенья многократно,
Но точно надломилась ось...
Сосредоточенна, грустна,
Замѣтно Лиза присмирѣла:
Смутилась, можетъ быть, прозрѣла,
Всего вѣрнѣй, — уже больна...
Да такъ и есть: въ концу недѣли
Она въ тифу, горитъ огнемъ...
Абрамъ страдаетъ у постели
И все нервнѣе съ каждымъ днемъ...
Одинъ вопросъ, кто ни придетъ:
«Скажите, Лиза не умретъ?!..»

XXXVIII

Нѣтъ ни аптекъ, ни докторовъ,
Ревекка только фельдшерица,
Но опытъ есть, она бодрится,
Кой въ чемъ помощникъ ей Петровъ.
Лечили ощупью, кой-какъ,
Въ разсчетѣ больше на натуру,
Чѣмъ на науку и микстуру...
Не разъ, казалось, смерти знакъ
Своими сѣрыми тѣнями
Ужъ по лицу больной скользилъ,
Но вслѣдъ за тягостными днями
Опять какъ будто больше силъ...
Съ больной Ревекка день и ночь,
Всѣхъ, кромѣ мужа, гонитъ прочь...

XXXIX

Невольно стараго отца
Мнѣ вспомнить хочется... Далеко,
Такъ безнадежно одиноко,
Томясь въ предчувствіи конца,
Онъ жизнь влачитъ... Все такъ-же строгъ,
Все также рѣзко, по капризу,
Шумитъ на всѣхъ... Но вспомнитъ Лизу
И сразу стихнетъ... Если бъ могъ
Ее вернуть! Хоть не на долго...
На часъ... Обнять, прижать къ груди...
Преступна дочь, и чувство долга
Диктуетъ гнѣвное «Уйди!..»
Но сердце... Чѣмъ его смиритъ?!..
Старикъ все болѣе хандритъ...

XL.

Писалъ ей часто, но всегда
Въ посланьяхъ къ дочери суровъ онъ.
Онъ чиномъ былъ забронированъ,
Не забывалъ онъ никогда,
Что дочь — мятежница, и онъ
Быть снисходительнымъ не вправѣ,
Да при его нескладномъ нравѣ
Такъ страненъ былъ бы мягкій тонъ.
За то какъ счастливъ и какъ веселъ,
Когда придетъ ея отвѣтъ —
Сдвигаетъ въ спальной пару креселъ,
Спѣшитъ за теткой на совѣтъ,
И въ каждой фразѣ между строкъ
Стремятся отыскать намекъ...

XLI

О, сердце сердцу вѣсть даетъ!
Пусть сомнѣвается, кто можетъ...
За долгій вѣкъ, что мною прожитъ,
Примѣрамъ потерялъ я счетъ...
Нѣтъ разстояній для любви,
Для всѣхъ ея проникновеній...
Не знаю — то нашъ добрый геній,
Иль то заложено въ крови,
Но сердце сразу омрачится,
Тоскуетъ, плачетъ, рвется въ даль,
Чуть тамъ несчастье приключится,
Гдѣ наша нѣжность и печаль...
То чувство вѣщее дано,
И не обманется оно...

XLII

Не потому-ли генералъ,
Въ переживаньяхъ столь несложенъ,
Вдругъ заметался, сталъ тревоженъ
И даже словно захворалъ.
Онъ часто видитъ дочь во снѣ:
То на рукахъ ее онъ носитъ,
То горячо о чемъ-то проситъ,
То скачетъ съ нею на конѣ —
Онъ — въ клобукѣ, большія четки —
И оба держатъ по ведру...
Ждетъ объясненія отъ тетки,,,
«Вотъ ведра — это не къ добру!..»
Онъ внѣ себя. «А чья вина?
Не мной воспитана она!..»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I

Ужъ близокъ, близокъ грозный мигъ!
Въ низахъ — глухое озлобленье,
Вверху — шатанья и томленье,
И сѣть пугающихъ интригъ...
Все громче жалобы толпы,
Въ столицахъ не хватаетъ хлѣба,
И смотрятъ, какъ на милость неба,
На пудъ муки или крупы...
Съ утра хвосты у каждой лавки,
Томятся въ ливень и въ морозъ...
Средь раздраженія и давки
Кошмаръ проклятій и угрозъ...
А мимо мчится экипажъ —
Шитье, султаны иль плюмажъ...

II

Въ войскахъ броженье... Началось
Братанье съ нѣмцами. Изъ дружбы
Имъ выдаютъ секреты службы...
Вино откуда-то взялось,
И наши носятъ на промѣнъ
Кто — аммуницію, кто — сбрую...
Мѣстами пьютъ на пропалую...
Всѣ ждутъ какихъ-то перемѣнъ...
Замѣтно пала дисциплина,
Число предателей ростетъ,
Пошлютъ на приступъ — половина,
Бросая ружья, въ плѣнъ идетъ...
А пропаганда все наглѣй —
Солдатъ невольно злѣй и злѣй...

III

Въ штабахъ — тамъ свой варится супъ —
Борьба за власть и за награды...
Одинъ въ бѣдѣ — другіе рады,
Летятъ, какъ коршуны на трупъ...
И всѣ — стратеги на словахъ,
Глядишь — пропали въ первомъ дѣлѣ,
У нихъ семь пятницъ на недѣлѣ,
И все — съ налету, впопыхахъ...
И каждый чѣмъ-нибудь обиженъ,
И всѣхъ бранитъ: тотъ — идіотъ,
А этотъ тупъ и неподвиженъ,
Такой-то выскочка, а тотъ —
Ему съ полкомъ не совладать,
Такъ, не угодно-ль, корпусъ дать?!..

IV

Не дрогнулъ лишь одинъ устой:
То офицерство рядовое,
Чье настроенье боевое
Такъ подкупало простотой.
По мановенію руки,
Какъ часто безъ толку, ненужно,
Шли умирать спокойно, дружно,
И гибли цѣлые полки...
Они не дѣти. Ихъ смущали
Страданья родины... Но шли
И, умирая, завѣщали
Не выдавать родной земли...
Пусть Богъ на гибель насъ обрекъ —
На нихъ не долженъ пасть упрекъ...

V

А Дума? Мечутся, въ разбродъ...
Не зная, въ чемъ искать спасенья,
Лишь разсѣвали опасенья
И возбуждали тѣмъ народъ...
Потокъ сердитыхъ, дерзкихъ словъ
И жесткихъ возгласовъ и брани —
Стереть не трудно было грани,
Но дальше? Былъ-ли кто готовъ
Стать у руля средь непогоды,
Спасти Россію въ грозный часъ?
О, да, явились! Всѣ невзгоды
Съ тѣхъ поръ обрушились на насъ...
Онъ передъ нами результатъ:
Сынъ на отца, на брата братъ...

VI

И выше, и страшнѣй волна,
И глубже, глубже разрушенье...
Толчокъ, и полное крушенье,
И гибнетъ бѣдная страна...
То, видно, нашъ несчастный рокъ:
Мы шли съ закрытыми глазами,
Себя обманывая сами —
Національный нашъ порокъ...
Душой въ словахъ, въ красивой позѣ,
Рабы несдержанной мечты,
Предпочитали жалкой прозѣ
Мы краснорѣчія цвѣты...
Стрѣлою мчался паровикъ,
Пока не врѣзался въ тупикъ...

VII

Конечно, первый — Петроградъ...
На видъ — чиновничьи покорный,
Но раздражительный и вздорный,
И всякой перемѣнѣ радъ...
Но если правдой дорожить,
Чей революція подарокъ?
На баръ поднявшихся кухарокъ,
Желавшихъ барынями жить...
Солдатъ, кухарка и рабочій —
Великій тройственный союзъ!
Имѣлось много средоточій
Для закрѣпленья этихъ узъ...
Готовый клубъ во всѣхъ «хвостахъ»,
Глѣ клевета на всѣхъ устахъ...

VIII

То нашъ вчерашній «меньшій братъ»!..
Его трудомъ, его руками
Спокойно жили мы вѣками,
И онъ возсталъ, тріумвиратъ!..
Онъ — полурабъ, полуслуга,
Заботы требовалъ немного:
Его учили вѣрить въ Бога,
Бояться лѣни, какъ врага,
Любить начальство, быть послушнымъ,
И чтить господъ, ихъ ублажать,
И видомъ мило-простодушнымъ
Пейзажъ ихъ жизни украшать...
Онъ не обиженъ и въ правахъ,
Но, впрочемъ, только на словахъ...

IX

Мѣнялись круто времена,
Мѣнялись съ ними мы, конечно,
Но непростительно безпечно
Все тѣ-же старые тона,
Все тотъ-же старый барскій взглядъ
На «брата меньшаго» хранили...
Европа? Пусть! Но тамъ прогнили...
Пауперизмъ, пролетарьятъ...
А мы? У насъ патріархально,
Живемъ пока по старинѣ,
Народъ свой знаемъ досконально
И съ нимъ покойны мы вполнѣ...
Онъ — богоносецъ, нашъ народъ!
Какихъ тамъ правъ! Какихъ свободъ!..

X

Хотя, конечно, мы не прочь —
Для оживленія картины...
Но пусть, какъ прежде, гнутся спины
Въ трудахъ упорныхъ день и ночь...
Мы просвѣщенны, мы добры,
Случится горе — мы жалѣемъ:
Гдѣ строгимъ словомъ, гдѣ — елеемъ,
Спѣшимъ нести свои дары...
И вѣримъ мы: на рядъ столѣтій
Пригодна старая игра —
Средь безконечныхъ многолѣтій,
Подъ крики дружнаго «Ура!..»
И никакая новизна,
Въ концѣ концовъ, намъ не страшна...

XI

А тутъ, какъ молніи ударъ!..
Тамъ просто, быстро, безъ усилій,
Почти съ наивностью идиллій...
Случайность? Чудо! Иль угаръ?!..
Интеллигенція, какъ кротъ,
Года вела за сапой сапу,
Тріумвиратъ лишь поднялъ лапу —
Произошелъ переворотъ...
Но что всего своеобразнѣй —
Не только мы не смущены,
Но чѣмъ движенье несуразнѣй,
Тѣмъ мы полнѣй восхищены...
Нѣтъ недовольнаго лица:
Восторги, радость безъ конца...

XII

Таковъ, должно быть, нашъ удѣлъ:
Всегда мы этимъ отличались —
Перепилить тотъ сукъ старались,
Кто на какомъ суку сидѣлъ...
И не понять — гдѣ нѣтъ стыда,
Гдѣ протестующая совѣсть!..
Возможна-ли печальнѣй повѣсть?
То наша старая бѣда...
Что-жъ удивляться, что пошли мы
На первый крикъ, на первый зовъ?
И, какъ всегда, огнемъ палимы,
Во всеоружьи громкихъ словъ!..
Но съ той поры изъ рукъ солдатъ
Власть получала свой мандатъ...

XIII

Солдатъ сталъ истиннымъ царемъ,
Самодержавнымъ и сердитымъ...
Нахмурясь, съ видомъ дѣловитымъ,
Онъ началъ править кораблемъ.
Кричалъ министрамъ: «Вы, лѣвѣй!
Чего задумались, ребята?!
Не разбѣгаться, какъ телята!..
Всѣмъ дружно! Разомъ! Не робѣй!..»
Ихъ планы дерзки, но убоги:
«Свободы, денегъ и земли!»
Куда неслись? Какіе боги
Безумцевъ къ гибели влекли?!..
Свобода — лучшій даръ небесъ,
Но насъ кружилъ и путалъ бѣсъ!..

XIV

Не первый день ведется споръ:
Готовы мы иль неготовы...
Но корни были нездоровы,
И то — великій намъ укоръ!..
Была свобода намъ дана
Толпой, рѣшившей, что свобода —
Кровавый бичъ въ рукахъ народа
И мести мутная волна...
Отнять, лишить и ограничить,
Низы — на верхъ, верхи — на дно,
Всѣхъ обезцвѣтить, обезличить —
Такъ безнадежно неумно...
А въ этомъ именно и былъ
Весь разумъ, весь сердечный пылъ...

XV

И никакихъ иныхъ задачъ!..
Все уложилось въ эту мѣрку,
И оказалось на повѣрку —
Не богоносецъ, а Пугачъ...
Давно знакомый Емельянъ!
Иной масштабъ, въ иномъ объемѣ,
Но тотъ-же въ цѣляхъ и въ пріемѣ,
И такъ-же вѣчно полупьянъ...
Полгода кое-какъ крѣпился —
Его слѣпилъ нежданный свѣтъ,
Но осмѣлѣвъ, приспособился
И быстро далъ свой полный цвѣтъ...
Напоръ вчерашняго раба —
Какая гнусная борьба!..

XVI

Напоръ вчерашняго раба...
Чуть не по шерсти — «Бросьте шутки!
Опять плясать по барской дудкѣ!..»
Россіи жалкая судьба...
Вчерашній рабъ — то дикій звѣрь,
Отдайте все — кричитъ онъ: «мало!..»
Что много лѣтъ въ душѣ дремало,
То голосъ подняло теперь...
И нѣтъ задержекъ, нѣтъ святыни,
Онъ безпощаденъ, онъ свирѣпъ...
Что самомнѣнья, что гордыни,
Наивенъ, жаденъ и нелѣпъ!..
Картузъ задорно на бекрень,
И гроздью за ухомъ сирень...

XVII

Его вожди... Здѣсь подхожу
Къ еще больнымъ и свѣжимъ ранамъ...
А все-же, можетъ быть, пора намъ —
Я по себѣ теперь сужу —
Взглянуть событіямъ въ глаза
И не скрывать своихъ ошибокъ...
Умъ человѣческій такъ гибокъ,
Такъ подкупаетъ насъ слеза,
Что подъ вліяньемъ фразъ условныхъ
(И часто — грусти напускной)
Не тамъ искали мы виновныхъ,
Не то считали мы виной.
Его вожди, — они, они
Зажгли тѣ страшные огни...

XVIII

Его вожди... Ихъ много группъ,
Къ тому жъ дробились поминутно.
Добавлю къ этому попутно —
Въ партійныхъ тонкостяхъ я тупъ.
Да развѣ въ партіяхъ вопросъ?
Темны народу эти споры
И эта брань, и перекоры —
До партій просто не доросъ...
Вѣками заперты ворота,
Народъ ворвался — все его...
Онъ жадно смотритъ... Ждетъ чего-то...
Ему иль все, иль ничего...
Толпа сердита и нервна —
Вотъ-вотъ не выдержитъ струна...

XIX

Вожди — конечно, меньшинство
(Интеллигенція и барство),
Спасти пытались государство
И осуждали большинство.
Пытались рядомъ робкихъ мѣръ
Пресѣчь опасную заразу.
«Терпѣнье, граждане! Не сразу!..» —
Такъ убѣждали, напримѣръ...
Ихъ смяли быстро... Не успѣли
Не только силы развернуть,
Но развернуть свои порфели,
Какъ—съ Богомъ! Просятъ! Въ добрый путь!..
И въ спину крикъ слѣпой вражды —
Предвѣстникъ будущей бѣды.

XX

Не вправѣ мы винить толпу,
Она вѣрна своей природѣ.
Но кто зажегъ пожаръ въ народѣ?
Кто первый проложилъ тропу?
Кто подрѣзалъ за нитью нить?
Кто, доходя до лжи, до лести,
Питалъ въ народѣ жажду мести?
Кто-жъ виноватъ? Кого винить?
О, знаю ваши оправданья:
Не разсчитали, не учли...
А эти жертвы и страданья
Родной замученной земли?!..
Къ чему слова! То — жалкій соръ!
Позоръ останется позоръ...

XXI

Есть заблужденья, есть вина...
Ужъ опытъ былъ. Уже видали
Куда толпа идетъ. Едва-ли
Могла иною стать она.
Уже тогда вамъ всѣмъ въ упоръ
Толпа кричала: «Прочь съ дороги!..»
И вы разбились о пороги,
И былъ недологъ съ вами споръ...
На что надѣялись? Забыли
Столь поучительный урокъ?
Какъ легкомысленны вы были!
Самовлюбленность — вашъ порокъ...
Вы выше всѣхъ, и всѣ — нули,
Вы — полубоги, соль земли...

XXII

Не осуждаю я идей —
Пусть безупречны ваши взгляды,
Вы — продолжатели плеяды
Большихъ и искреннихъ людей.
Но все сведя къ борьбѣ за власть,
Вы стали дерзки и строптивы,
Вы извратили перспективы...
Руководила вами страсть,
Слѣпая, мстительная, злая...
Куда вы шли? Куда вели?
Судьбою родины играя,
Свои сжигали корабли...
Вы навязали намъ то зло,
Что васъ-же первыхъ обожгло...

XXIII

Бомбистъ, убійца — все равно,
Туда спѣшили вы съ поклономъ,
Считали вы хорошимъ тономъ
Во всемъ быть съ ними за одно.
Офиціально, для властей,
Вы осуждали ихъ ученье,
Но вы питали къ нимъ влеченье
Отъ молодыхъ своихъ ногтей.
Не малой долей ореола
Терроръ, увы! обязанъ вамъ:
Печать, общественность и школа —
Какіе гимны пѣлись тамъ!
Вы вербовали молодежь,
Вы ей давали въ руки ножъ!..

XXIV

Вы — центръ, откуда корни шли,
Вы перепутали всѣ карты,
До зрѣлыхъ лѣтъ отъ школьной парты
Насъ извращали и гнели...
На всемъ партійное «табу»,
Все осуждалось, что не съ вами,
Всегда чужими головами
Вели съ правительствомъ борьбу.
Вы — въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ,
Вы въ сторонѣ, вы не при чемъ,
А не на вашихъ ли тетрадкахъ
Возросъ казненный палачемъ?
Онъ умиралъ, васъ не любя,
Но вы — его учителя...

XXV

И вотъ свершилось... Вы въ чести,
Вы здѣсь у самаго кормила,
Мечта, что долго васъ томила,
Та власть, что вамъ теперь нести...
Солидный видъ, широкій жестъ,
На все готовые отвѣты,
Съ утра до вечера совѣты,
А для друзей — раздача мѣстъ...
Что день, то смѣлыя реформы,
Какъ взрывы, пачками, дождемъ,
Конечно, больше для проформы:
«Мы, молъ, честны, и мы не ждемъ»...
Тутъ вся коллекція свободъ —
Партійной мысли полный сводъ...

XXVI

Вы предъ толпою съ первыхъ дней
Кто въ роли Брута, кто — Эгмонта...
А въ это время, гибель фронта
Все очевиднѣй и полнѣй.
Врагъ осмѣлѣлъ. Онъ — у воротъ...
Въ странѣ всеобщая разруха,
Грабежъ, бунты, упадокъ духа...
А за стѣной у васъ комплотъ:
Совѣтъ рабочихъ депутатовъ,
Что шагъ — особый комитетъ,
Большихъ и малыхъ Геростратовъ
Всеустрашающій букетъ...
Всѣ ваши планы и мечты
Такъ явно жалки и пусты...

XXVII

Предупреждали васъ всегда:
Вамъ эти связи неприличны.
Они и вы — пути различны,
Не сговориться никогда.
Толпа ждала реальныхъ благъ,
Немедля, полными горстями,
А вы? Съ какими шли вѣстями?
Какой вы развернули флагъ?
У вратъ взыскуемаго града
Вы какъ бы стражей залегли.
Для нихъ вы — лишняя преграда,
Вы слишкомъ въ старое вросли...
У васъ вопросъ: «что можно дать?»
А тѣ кричатъ: «довольно ждать!..»

XXVIII

И васъ прогнали! Все не въ прокъ —
И ваши хлопоты, и трансы...
Такъ безнадежны ваши шансы
Лишь дунулъ первый вѣтерокъ...
Вы въ полумѣрахъ какъ въ мѣшкѣ,
Вашъ планъ — онъ изъ кусочковъ склеенъ,
А ихъ напоръ прямолинеенъ,
Идутъ безпечно, налегкѣ...
Васъ не любили, но терпѣли,
Пока имѣлся общій врагъ.
Но сломленъ врагъ, они у цѣли —
Къ чему имъ вашъ ареопагъ?!..
Себя сгубили и страну —
Чѣмъ вы искупите вину?!..

XXIX

И такъ, другіе, вмѣсто васъ,
Пришли свои порядки ставить...
Корабль пытаются направить
По волѣ возбужденныхъ массъ...
Куда? О, планъ давно готовъ.
Пусть онъ нелѣпъ — вопросъ не въ этомъ,
Но утвержденъ онъ былъ совѣтомъ
Соціалистовъ всѣхъ сортовъ.
Учителями онъ завѣщанъ,
Въ подполье былъ обожествленъ,
Осуществимъ иль нѣтъ — обѣщанъ
И долженъ быть осуществленъ...
И помраченной мысли плодъ
Отравой бросили въ народъ...

XXX

Но надо дѣйствовать... Кому?
Пока на кафедрѣ — всѣ смѣлы,
Въ работѣ — дѣтски неумѣлы,
И, вотъ конецъ — конецъ всему!
Увы! Трагическій конецъ!..
До дна придется выпить чашу,
И нашъ народъ, Россію нашу
Страданій крестныхъ ждетъ вѣнецъ...
Погибнетъ все, что мы вѣками
Несли землѣ своей, какъ даръ...
Себѣ своими-же руками
Смертельный нанесли ударъ...
Пройдутъ года, еще года —
Спасетъ-ли кто насъ и когда?!..

XXXI

А во главѣ мальчишка-фатъ,
Минуты баловень случайный...
Успѣхъ въ толпѣ необычайный —
Давно-ли скромный адвокатъ?!..
Онъ во дворцѣ, прославленъ онъ,
Онъ въ точномъ смыслѣ Imperator,
Неограниченный диктаторъ,
Въ своихъ глазахъ Наполеонъ,
Въ его рукахъ вся сила власти,
За нимъ довѣрье и штыки,
И въ упоеньи первой страсти,
Онъ восклицалъ: «Мои полки!..»
Премьеръ, а вмѣстѣ и «Верхглавъ» —
Богъ насъ каралъ, егоославъ...

XXXII

Но я не буду, не хочу
Напоминать тѣ дни позора...
Россія гибла безъ призора,
Своимъ вождямъ не по плечу...
Бездарность, злость, самообманъ,
И гулъ толпы, и ревъ, и топотъ,
Безцѣльны жалобы и ропотъ,
Кровавый стелется туманъ...
«Мои полки!..» — И кверху плечи,
Какой надменный, дерзкій взглядъ!
Какіе позы, жесты, рѣчи,
И опереточный нарядъ...
Не нынче — завтра ураганъ,
А вмѣсто власти... балаганъ!

XXXIII

Кому не лѣнь, кто только могъ,
Свою вносилъ въ ту смуту лепту
И къ своему склонялъ рецепту,
Къ другимъ рецептамъ крайнѣ строгъ...
Калейдоскопъ исканій, драмъ,
Борьба за власть, борьба за мнѣнья,
И поминутно столкновенья
Знаменъ, призывовъ и програмъ...
А это новое начальство?
Нѣтъ ни управы, ни суда,
Безцеремонность и бахвальство,
И всѣ «персоны», господа...
Вчера — печникъ или швейцаръ,
Сегодня «главный комисаръ»...

XXXIV

Такъ мудрено-ль, что вдругъ толпа,
Предметъ полемики и спора,
Всей силой дикаго напора,
И неразумна, и слѣпа,
Установила свой режимъ...
Идейный! Равенства и братства!
Гдѣ расхищаются богатства
И насыщаются чужимъ...
Долой лохмотья и опорки,
Одѣлись въ бархатъ и парчу,
Изъ каждой щели и коморки,
Нестся крикъ: «Я такъ хочу!..»
И съ трескомъ рухнулъ старый міръ,
И начался ужасный пиръ...

XXXV

О главаряхъ не говоримъ:
Они — фанатики иль плуты...
Теперь ихъ имена раздуты,
Потомъ узнаемъ цѣну имъ...
Одни подъ шумъ и въ кутерьмѣ
Спѣшатъ нажиться... Такъ не ново!
А часть — повѣримъ имъ на слово
Намъ обѣщаетъ свѣтъ во тьмѣ...
Кровавый носитъ онъ оттѣнокъ,
Тотъ свѣтъ, что возвѣстили намъ...
Насилья, казни и застѣнокъ...
Вернулись къ страшнымъ временамъ!
Само собой, пролетарьятъ —
Всему начало и урядъ...

XXXVI

Какой жестокій, жуткій кличъ!
То кличъ завистливой утробы,
Кличъ ненавистничества, злобы,
Надъ міромъ онъ, какъ грозный бичъ!..
На всемъ убожества печать,
И по низамъ идетъ равненье,
Преступно всякое сомнѣнье —
Иль восторгаться, иль молчать...
И воцаряется пустыня —
Конецъ надеждамъ и мечтамъ...
Одинъ кумиръ, одна святыня
Великій Всероссійскій Хамъ...
Рекомендованъ намъ, какъ богъ,
И топчетъ насъ его сапогъ...

XXXVII

И ореолъ полуидей:
«Трудъ... о трудѣ... трудомъ... трудами...»
И вороха брошюръ, пудами,
Для малограмотныхъ людей...
Какой тамъ трудъ! Все въ грабежѣ!
Вѣками зависть наростала —
Конецъ мученіямъ Тантала,
Зовутъ къ участью въ дѣлежѣ...
Ни колебаній, ни раздумья,
Ни сожалѣній, ни стыда...
Какая оргія безумья!
Какая дикая орда!..
Муть поднимается со дна —
Россія мукамъ предана...

XXXVIII

О, если бъ пролитая кровь,
И эти стоны, эти слезы,
И въ грязь затоптанныя грезы
Родили правду и любовь!
О, если бъ я повѣрить могъ,
Что мы погибли не напрасно,
И что грядущее прекрасно,
Лишь переступимъ мы порогъ,
Что, если старый міръ поваленъ,
Лежитъ разсѣченъ на куски,
То тамъ, подъ грудою развалинъ,
Явились новые ростки...
Быть можетъ, я ужъ не судья —
Хотѣлъ бы, но не вѣрю я!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Десятокъ срочныхъ телеграммъ,
Вполнѣ понятныя волненья,
Но вотъ окончились сомнѣнья —
Въ министры приглашенъ Абрамъ...
Капризъ волшебнаго жезла...
Давно-ли ссыльный, подъ надзоромъ?!
Пусть это не было позоромъ,
Но сколько горечи и зла!..
Министръ! Негаданно — нежданно...
Въ побѣду партіи своей
Всегда онъ вѣрилъ... Все-же странно...
Одна изъ сказокъ нашихъ дней...
Абрамъ съ трудомъ собой владѣлъ...
Но сколько мыслей! Сколько дѣлъ!

II

А Лиза все еще больна.
Уже давно съ постели встала,
Но жаль смотрѣть, какъ исхудала,
Какъ измѣнилась, какъ блѣдна...
Молчитъ, задумчива... Въ глазахъ,
Такихъ большихъ, такихъ уставшихъ,
Въ чертахъ лица, замѣтно впавшихъ,
Какъ будто грусть, какъ будто страхъ...
То у окна, то на скамейкѣ,
Всегда — забившись въ уголокъ,
Въ какой-то старой кацавейкѣ,
И жмется, кутаясь въ платокъ...
Всѣ говорятъ, она едва
Промолвитъ слово или два...

III

Не разъ допрашивалъ Абрамъ:
«Ты нездорова? Нѣтъ? Но что-же?»
И добавлялъ замѣтно строже:
«Не выношу я мелодрамъ!..»
Она молчала. Онъ страдалъ:
И огорченъ, и озадаченъ...
Но чувствомъ жалости охваченъ
Къ ея ногамъ онъ припадалъ.
«Скажи мнѣ, что съ тобой, голубка?
Тоскуешь? Стоитъ-ли? Пойми!
И безъ того все въ жизни хрупко,
Себя напрасно не томи...»
И смытъ горячею волной
Вопросъ тяжелый и больной...

IV

А, впрочемъ, Лиза и сама
Не знаетъ, что съ ней... Точно смяло...
Тамъ отцвѣло, а тутъ завяло,
А въ сердцѣ холодъ и тюрьма...
Еще въ тифу, въ полубреду,
То вдругъ увидитъ Комарова,
Нагнулся къ ней и будто снова
Ей говоритъ: «Ты жди... Приду...»
То вдругъ Абрамъ... Въ углу, суровый,
Глядитъ съ укоромъ... Мигъ — кинжалъ,
Блестящій, огненно-багровый,
Въ рукѣ приподнятой дрожалъ...
Она забьется, закричитъ,
Къ ней прибѣгутъ — она молчитъ...

V

А дни унылые текли...
Ихъ много, этихъ дней тяжелыхъ,
И съ ними мыслей невеселыхъ,
Что раздражали и гнели...
Все пережито было вновь,
Все передумано сначала —
И какъ съ отцомъ она скучала,
И какъ зажглась ея любовь,
И эти люди — вереница,
Такой жужжащій, шумный рой,
И ссылки мрачная гробница,
Гдѣ такъ мучительно порой,
И Комарова крикъ: «Актеръ,
Онъ — книжка, мелокъ и хитеръ!..»

VI

И этотъ крикъ больнѣй всего...
Загадка! Врагъ намъ броситъ слово,
Мы понимаемъ, что иного
Не вправѣ ждать мы отъ него,
А между тѣмъ волнуетъ брань,
И горечь чувствуемъ отравы...
Твои таинственны составы
Души невидимая ткань...
И Лиза искренно терзалась...
Актеръ? О, нѣтъ! Но есть налетъ,
Есть пыль въ душѣ его... Металась
Иной разъ ночи на пролетъ...
Давно ли вѣрила ему?
Откуда эта пыль? Къ чему?!..

VII

Актеръ?!.. Такъ грубо оскорбилъ...
Но тѣмъ движеніемъ случайнымъ,
Онъ прикоснулся къ ранамъ тайнымъ,
Ея страданья углубилъ...
Уже давно совсѣмъ другимъ
Она Абрама находила
Не тѣмъ, какого такъ любила —
Капризнымъ, рѣзкимъ и сухимъ...
Казался мельче, суетливѣй,
А временами... даже лгалъ...
Она ли стала прозорливѣй,
Иль онъ, измученный, усталъ?!..
Сомнѣнья, тяжкія до слезъ —
Могила радостей и грезъ...

VIII

Тоска... Не весело больной...
Абрамъ томился отъ бездѣлья,
Ни сборищъ прежнихъ, ни веселья...
И часто ссорился съ женой...
Чуть возраженье не по немъ, —
Уже сердитъ. Отвѣты грубы,
Иль цѣдитъ холодно, сквозь зубы:
«Но мы другъ друга не поймемъ!..»
Потомъ является Ревекка,
Она заботлива, добра,
А все же лишняя опека,
И нынче то-же, что вчера...
Абрамъ ушелъ... Ревекка спитъ...
А сердце сжалось и щемитъ...

IX

Вдругъ телеграмма: рухнулъ тронъ...
Въ пыли твердыня вѣковая...
И эта вѣсть, борцовъ сзывая,
Неслась къ друзьямъ со всѣхъ сторонъ...
Потокомъ бурныя слова,
Надежды, чаянья и грезы,
И благодарственныя слезы...
У всѣхъ шла кругомъ голова...
Сильнѣй другихъ у Миши Рота:
Неудержимъ, разгорячен̀ъ,
Онъ центромъ сталъ водоворота
И, какъ ребенокъ, увлеченъ.
Исчезъ куда-то Бочаровъ,
Напился до пьяна Петровъ...

X

Неузнаваемъ и Абрамъ —
Въ глазахъ огонь, глядитъ открыто,
Томленье, скука — все забыто,
И нѣтъ семейныхъ мелкихъ драмъ.
Вдвоемъ съ Измайловымъ въ объѣздъ
Они уѣхать поспѣшили,
Кого встрѣчали — тормошили
Организовывать уѣздъ.
И завертѣлось, загудѣло,
Проснулся мертвый городокъ,
Живая мысль, живое дѣло —
И покатился тотъ клубокъ...
Взошла желанная заря —
Россіей править безъ Царя!..

XI

Тутъ объявился Бочаровъ,
И не одинъ, а съ шумной свитой,
Веселой, бойкой, даровитой —
Ее собралъ со всѣхъ угловъ.
Образовался цѣлый дворъ,
Абрамъ, какъ признанный владыка...
Но даже онъ усталъ отъ крика —
Что ни вопросъ, то рѣзкій споръ.
Ревекка вдругъ помолодѣла,
Кипитъ, волнуется, въ огнѣ...
И только Лиза не у дѣла,
Одна, какъ будто въ сторонѣ...
Какъ если бъ въ уголъ отошла
И тамъ въ тревогѣ замерла...

XII

Но дни бѣгутъ... Пора и въ путь!
Ужъ поѣздъ экстренный заказанъ...
О, власть! Абрамъ уже наказанъ:
Ни оглядѣться, ни вздохнуть...
О, власть! Ты — призракъ, но влечетъ
Стремленье къ славѣ и отличью.
Въ угоду нашему величью
Любой оплачиваемъ счетъ...
Вокругъ — сіянье и орнаментъ,
Плетенье изъ нарядныхъ словъ,
И забываемъ, что фундаментъ —
Подмостки изъ людскихъ головъ!..
Тамъ величаться, ихъ топтать,
Себя избранникомъ считать...

XIII

Абрамъ собрался, онъ готовъ,..
Ревекка съ Лизой остается,
Петровъ колеблется и мнется,
Однако, ѣдетъ. Бочаровъ —
Единогласно рѣшено —
Назначенъ быть главою края,
Съ нимъ Ротъ и вся пришельцевъ стая.
Измайловъ выѣхалъ давно,
Онъ исполняетъ порученье.
«Оттуда въ Петроградъ спѣши,
Я у себя дамъ назначенье...
Я очень радъ!..» И отъ души
Его онъ обнялъ. «Сбылись сны!
Такіе люди намъ нужны!..»

XIV

Изъ арестантскаго сукна
И арестантскій по покрою
(Къ лицу былъ нашему герою)
На немъ костюмъ. Волосъ копна,
Волнистыхъ, съ просѣдью слегка,
Красиво сбитыхъ на затылкѣ
(Онъ отростилъ ихъ въ долгой ссылкѣ)
Подъ небольшой, безъ козырька,
Острожной шапкой темно-бурой,
Изъ лентъ розетка на груди,
Видъ озабоченный и хмурой,
Петровъ съ портфелемъ позади —
Народъ со всѣхъ сторонъ бѣжалъ,
И переполненъ былъ вокзалъ.

XV

Конечно, рѣчь... Толпа гудитъ...
И рѣчь въ отвѣтъ... И снова рѣчи...
Его качаютъ... Чьи-то плечи —
На нихъ, какъ въ креслахъ, онъ сидитъ...
Онъ руки жметъ... Еще... еще...
Вдругъ передъ нимъ сѣдая дама...
«Страдалецъ! Мученикъ!..» — Абрама
Цѣлуетъ пламенно въ плечо...
И тутъ-же, павши на колѣна,
Она восторженно кричитъ:
«Вы насъ избавили отъ плѣна!
Вы — Богомъ посланный намъ щитъ!..»
Тотъ страстный крикъ зажегъ сердца,
И нѣтъ овацiямъ конца...

XVI

Лишь въ ходъ милицію пустивъ,
Ихъ удалось ввести въ вагоны...
Кокарды, звѣзды и фестоны —
Красно кругомъ. Локомотивъ
Весь въ красныхъ лентахъ... Красный флагъ...
И снова рѣчи, снова крики,
Опять привѣтственные клики
И пожеланья всякихъ благъ...
И такъ въ теченьи всей дороги,
Средь дня, въ ночи и по утрамъ...
Усталъ языкъ, устали ноги,
Изнемогалъ къ концу Абрамъ...
Но дѣло важное свершалъ,
И гордо голову держалъ.

XVII

Есть, впрочемъ, темное пятно:
Солдаты... Сколько ихъ повсюду!
Какъ воды, что смели запруду —
Бурлятъ, кипятъ... Полнымъ-полно...
Биткомъ набиты поѣзда,
Берутся приступомъ вагоны,
Котомки, люди — на перроны
Нельзя пробиться безъ труда...
И все всклокочено, все злится,
Виситъ угрозой самосудъ,
Начальство прячется, боится,
Пустякъ — и въ клочья разнесутъ...
Надъ раздраженною толпой
Не крикъ, не жалобы, а вой...

XVIII

Абрамъ все видѣлъ, но молчалъ.
Но недалеко отъ Урала
Толпа ихъ поѣздъ задержала.
«Министръ!» — имъ кто-то закричалъ.
«Министръ!» — пугаются одни,
Другіе дерзче: «Не видали!
Намъ паровозъ бы только дали...
Торчимъ мы тутъ четыре дни!..»
Петровъ вспылилъ. Абрамъ смутился.
Толпа стояла на своемъ.
Кричатъ: «Скажи, распѣтушился!
А наша кровь? За васъ мы льемъ!..»
Тутъ былъ какой-то делегатъ —
Едва онъ спасся отъ солдатъ...

XIX

«Но что случилось? Вѣдь война!»
«Да, гражданинъ министръ, — несчастье!
Сказалось полное безвластье...
Бѣгутъ... Толпа развращена!..»
Развелъ руками делегатъ
(Лѣтъ сорока, директоръ банка) —
«Весьма печальная изнанка...
Вопросъ по истинѣ рогатъ!..»
Абрамъ пустился въ разсужденья:
«Не будемъ бодрости терять,
Пройдутъ минуты возбужденья,
И все уляжется опять...
Вы помните: «О, Русь, o, rus!..»
Но тотъ молчалъ, крутя свой усъ...

XX

Столица! Встрѣтилъ адъютантъ,
Съ нимъ экзекуторъ, два курьера.
Студентовъ группа у барьера,
Вѣнокъ, огромный красный бантъ,
Еще вѣнокъ — «отъ матерей»,
Несутъ на блюдѣ двѣ курсистки
Вѣнокъ «отъ старой террористки» —
Абрамъ усталъ... Скорѣй, скорѣй!..
Вотъ, наконецъ, автомобили...
Петровъ взволнованъ... Въ толкотнѣ
Его едва не раздавили,
Но насладился онъ вполнѣ...
Онъ восклицалъ: «Какой пріемъ!
А духъ какой! Какой подъемъ!..»

XXI

Совѣтъ министровъ, рѣчь чинамъ,
Друзья, текущія работы,
Пріемы, хлопоты, заботы —
По горло занятъ былъ Абрамъ.
А дальше — больше... Тутъ — банкетъ,
Тамъ — рѣчь въ совѣтѣ депутатовъ,
Тамъ — съѣздъ россійскихъ адвокатовъ...
Вездѣ свой собственный букетъ,
Вездѣ въ особомъ тонѣ рѣчи...
Къ тому-же явно всѣ вразбродъ —
Не засѣданія, а вѣче,
Гдѣ колобродитъ всякій сбродъ...
И всѣ завѣдомо хитрятъ...
И это — мѣсяцы подрядъ...

XXII

Абрамъ работалъ на лету
И въ общемъ онъ довольно быстро
Усвоилъ тонъ и роль министра,
Какъ если бъ вѣкъ былъ на посту.
При немъ пять-шесть секретарей,
Петровъ — съ особыми правами
(Онъ уравненъ съ директорами),
Два офицера у дверей,
Между пріемной и швейцарской
Порхалъ, какъ пеночка въ кустахъ,
Жандармъ, но выправки гусарской,
Вся грудь въ медаляхъ и крестахъ.
Лакей во фракѣ чай носилъ,
Въ гаражѣ Rolly Rocse въ сорокъ силъ...

XXIII

А рядомъ съ этимъ — новый духъ:
Не вѣрилъ старымъ бюрократамъ,
Мѣста ихъ отдалъ адвокатамъ;
Съ чиновнымъ людомъ строгъ и сухъ,
Курьерамъ руку подавалъ;
Дѣла рѣшалъ онъ въ двѣ минуты;
«Законъ? Оставьте эти путы!..» —
Такъ подчиненнымъ толковалъ.
Писалъ на справкахъ и докладахъ:
«Къ чему намъ этотъ старый хламъ?
Въ бюрократическихъ балладахъ
Не стоитъ разбираться намъ!..»
А надъ упорными трунилъ:
«Поменьше, батюшка, чернилъ!..»

XXIV

Иное время — можетъ быть,
Абрамъ управился бъ отлично:
Работу велъ онъ энергично,
Умѣлъ помощниковъ добыть,
Всегда на митингахъ успѣхъ,
Любимъ въ совѣтѣ депутатовъ,
Среди партійныхъ автократовъ
Пожалуй, популярнѣй всѣхъ,
И даже въ нѣдрахъ кабинета,
Гдѣ вѣчно были нелады,
Искали у него совѣта,
Онъ выводилъ ихъ изъ бѣды.
Не разъ взволнованный премьеръ
Просилъ съ Абрама брать примѣръ.

XXV

Но, къ сожалѣнью, часъ не тотъ:
Бунты солдатъ — уже не тайна,
Вдругъ отдѣляется Украйна,
Въ Кронштадтѣ бѣдокуритъ флотъ,
Непослушанье на Дону,
Своя республика въ Каширѣ,
И эти волны шире, шире —
Какъ уберечь отъ нихъ страну?
Слова? Ихъ сказано не мало.
Насилье? Старые пути...
Но все металось, все роптало,
Никто не зналъ, куда итти...
Созвали экстренный совѣтъ
И обновили кабинетъ...

XXVI

Абрамъ твердитъ: «Одно изъ двухъ —
Спасать Россію, иль доктрину...
Распадъ, хаосъ, удары въ спину...
А дальше что? Мятежный духъ
Идетъ заразой въ глубь страны,
Чѣмъ дальше, тѣмъ крупнѣй размѣры...
Не говорю — крутыя мѣры,
Но какъ то дѣйствовать должны!..
— «Да, да! конечно!..» — Всѣ согласны...
Но это — рано, то — смѣшно,
И предложенія напрасны,
И ничего не рѣшено...
Шли засѣданья до зари —
Валились съ ногъ секретари...

XXVII

Вдругъ отдѣляется Сибирь,
Бунтъ инородцевъ по Ветлугѣ,
Бунты крестьянскіе на югѣ,
И много, много этихъ гирь,
И за бѣдой спѣшитъ бѣда.
Для довершенья обстановки
Сплошной волною забастовки —
Остановились поѣзда...
А тутъ — партійные раздоры,
Вожди другъ съ другомъ на ножахъ,
Ожесточенье, перекоры,
И смута, точно на дрожжахъ,
Неудержимая растетъ,
Казалось, сразу все снесетъ...

XXVIII

Чѣмъ недовольны? Чья вина?
Какихъ еще свободъ имъ надо?
Кто успокоитъ это стадо?
Куда несетъ его волна?
То — эпидемія, то — бредъ,
Распадъ мышленья и сознанья...
И чѣмъ разумнѣй начинанья,
Тѣмъ ощутительнѣй ихъ вредъ...
Тяжелый запахъ мертвечины —
Онъ просочился, онъ томитъ...
Никто не знаетъ, въ чемъ причины,
Но каждый каждаго винитъ...
Туманъ навязчивыхъ идей,
И для работы нѣтъ людей...

XXIX

А между тѣмъ, запасы силъ,
Казалось, были безпредѣльны...
Давно-ли? Такъ разумны, дѣльны...
Кто на себѣ переносилъ
Весь этотъ безпросвѣтный гнетъ
Безправья, мукъ и униженья,
Но твердо во главѣ движенья
Шелъ до конца?! Кто упрекнетъ,
Что въ ихъ рукахъ дрожало знамя?
И развѣ не былъ крѣпокъ духъ?!..
Куда-жъ дѣвалось это пламя?
Огонь — ужели онъ потухъ?!..
Не можетъ быть! Тутъ что-то есть,
Что надо правильно учесть...

XXX

Абрамъ мучительно искалъ
Ключа къ рѣшенію загадки,
Но разбивались всѣ догадки,
Какъ утлый челнъ о горы скалъ...
Тамъ — комитеты, тутъ — совѣтъ,
Иль себялюбцы, иль невѣжды...
Нельзя работать безъ надежды...
Хотя бъ какой-нибудь просвѣтъ!..
И суета, и обѣщанья,
Всего обиднѣй — глупый смѣхъ...
Но безполезны увѣщанья,
Гдѣ всѣ войною противъ всѣхъ...
Нелѣпый танецъ дикарей
У настежь отпертыхъ дверей...

XXXI

Абрамъ остался на посту,
Но онъ задумчивъ, онъ разсѣянъ,
Уже не такъ самонадѣянъ...
Онъ точно схоронилъ мечту
И вдругъ остался одинокъ...
Безъ вдохновенія, безъ силы,
Стоитъ растерянъ у могилы
И съ грустью смотритъ на вѣнокъ...
Сплетенъ изъ грезъ и упованій...
Какъ крѣпко вѣрилъ ! Какъ любилъ !..
Все растерялъ среди исканій...
Другихъ не спасъ, себя сгубилъ...
Лишь пыли темные столбы,
Да неумолченъ шумъ борьбы...

XXXII

Вначалѣ Лизѣ каждый день
Онъ шлетъ письмо иль телеграмму,
Но тамъ — то некогда Абраму,
То онъ усталъ, то — просто лѣнь...
Не забывалъ своей жены,
Ей безусловно былъ онъ вѣренъ,
Но петроградскій климатъ скверенъ
Для васъ, «любви златые сны»...
Весь этотъ шумъ, всѣ эти бури,
Страстей измѣнчивый потокъ —
И нѣтъ ея, небесъ лазури,
И осыпается цвѣтокъ...
Любовь, что зрѣла въ тишинѣ —
Ей все опаснѣе вдвойнѣ...

XXXIII

Не до любви сейчасъ ему...
Все время — точно на пожарѣ,
Тамъ, въ центрѣ, гдѣ огонь въ разгарѣ,
Гдѣ задыхаются въ дыму...
А въ то-же время возмущенъ:
Работа явно безполезна,
У ногъ уже раскрылась бездна,
И будетъ ею поглощенъ...
Уйти въ отставку! Избавленьемъ
Явился бы подобный шагъ,
Но было бъ только преступленьемъ
Такъ просто опустить свой флагъ...
Онъ посланъ партіей своей —
Повиноваться долженъ ей...

XXXIV

И все-жъ пытался. Главарямъ
Онъ говорилъ: «Предъ нами яма,
А наша партія упряма...
У насъ, подобно знахарямъ,
На все пучки сушенныхъ травъ
И наговоръ, и причитанья...
Живая жизнь, ея страданья —
Не въ этомъ-ли источникъ правъ?
А мы, какъ старыя весталки,
Завѣтъ безбрачія храня,
Такъ не ко времени, такъ жалки,
Блюдемъ за чистотой огня...
Мы сами губимъ свою власть,
Мы сами лѣземъ звѣрю въ пасть!..»

XXXV

Увы! Туманенъ ихъ отвѣтъ.
Еще туманнѣй словъ Абрама.
«Конечно... новая программа...
Должны внести ее въ совѣтъ...
Однако, скажемъ, что могли бъ
Совѣту нашему представить?
Ввести терроръ? Насильемъ править?
Не оттого ли и погибъ
Былой режимъ абсолютизма,
Что онъ держался на штыкахъ?
Смѣлѣй на путь соціализма,
И положеніе въ рукахъ...
Зло не внизу, а наверху —
У многихъ рыльце тамъ въ пуху!..»

XXXVI

Такъ и пошло... Букетъ угрозъ,
Потомъ, конечно, обѣщанья,
А тамъ сзываютъ совѣщанья,
И расплывается вопросъ...
За пылью словъ, за шумомъ дня,
Они плелись въ хвостѣ событій...
Чудесъ ли ждутъ или наитій?!..
Безъ вѣры, мысли и огня...
Въ отвѣтъ кипѣнію вулкана
Свирѣли вкрадчивый напѣвъ,
И нѣтъ ни выдержки, ни плана,
А вмѣсто воли только гнѣвъ...
Что безнадежнѣй, что пустѣй?!..
Былъ неизбѣженъ взрывъ страстей...

XXXVII

И онъ случился... Ужъ давно,
Толпа во власти темной банды...
Казалось, только ждутъ команды —
Всѣмъ ясно: что-то рѣшено...
И заявленій длинный рядъ:
То вой инстинктовъ разъяренныхъ,
Хотя на немъ изъ словъ мудренныхъ
Блеститъ торжественный нарядъ...
Война, аннексіи, проливы,
Банкиры, займы, передѣлъ —
Чѣмъ больше возгласы крикливы,
Тѣмъ ихъ счастливѣе удѣлъ...
Начало грустнаго конца —
Руси терноваго вѣнца...

XXXVIII

Несчастный день! Еще съ утра
Повсюду въ городѣ патрули.
У министерствъ на караулѣ
Въ двойномъ составѣ юнкера.
Близь Маріинскаго дворца,
Гдѣ предположенъ центръ событій,
Для войскъ устроенъ рядъ прикрытій,
И пулеметы у крыльца.
Возстанье начали матросы,
Отчасти съ ними молодежь,
Рабочихъ мало. Чернь, отбросы,
Всѣ тѣ, кого прельщалъ грабежъ.
Стянувшись въ нѣсколько колонъ,
Пошли на площадь съ трехъ сторонъ...

XXXIX

Ряды нестройны... Разбрелись,
И явны гнѣвъ и нетерпѣнье...
А эти лица?! Это пѣнье?!..
Не на добро они сошлись...
Знамена красныя, флажки,
И красныхъ нѣсколько плакатовъ:
«Вся власть совѣтамъ депутатовъ»,
А сверху накрестъ двѣ руки.
Но и другіе есть призывы:
«Довольно пили нашу кровь!»
«Долой войну! Долой проливы!..»
«Пролетарьятъ обманутъ вновь!..»
«Не отставать! Дружнѣй! Скорѣй..» —
Звучитъ команда главарей.

XL

Идутъ, спѣшатъ, почти бѣгутъ...
Пустыня... Все съ утра закрылось
И въ перепугѣ притаилось...
Прохожихъ мало. Тамъ и тутъ
Мелькнутъ какіе-то, и прочь —
Кто въ переулокъ, кто въ ворота...
На всемъ боязнь переворота...
Есть темный слухъ, что въ эту ночь
Захваченъ главный воротила.
Но развѣ нынче разберешь,
Въ чемъ у кого какая сила,
Гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь!..
Идетъ такая кутерьма,
Что въ пору не сойти съ ума...

XLI

И всѣ на площадь... Безъ конца
Потоки мутные стремятся...
Шумятъ, волнуются, тѣснятся...
Ихъ отдѣляютъ отъ дворца
Преображенцы подъ ружьемъ...
Откуда-то достали доски,
Въ минуту выросли подмостки,
И рѣчи сыплются дождемъ...
Всѣ тѣ-же лозунги плакатовъ,
Наборъ все тѣхъ-же грозныхъ словъ:
«Всю власть совѣтамъ депутатовъ,
Пролетарьятъ возстать готовъ,
Установить господство массъ,
Кто не за насъ, тотъ противъ насъ!..»

XLII

Какой-то выскочилъ гигантъ:
Рубаха черная, обмотки,
На рукавѣ косоворотки
Краснѣютъ перевязь и бантъ.
Въ толпѣ движенье... Крики: «Онъ!
Ура, товарищъ Аристарховъ!..»
«Спѣшатъ разыгривать монарховъ —
Что имъ народный тяжкій стонъ!
Они отъ имени народа
Творятъ постыдныя дѣла!..
Не нами ль добыта свобода?
А что, спрошу васъ, намъ дала?
Какъ псовъ, швырнули за порогъ,
Червями ползаемъ у ногъ!..»

XLIII

Высоко поднялъ красный флагъ
И крикнулъ голосомъ громовымъ:
«Пришли съ рѣшительнымъ мы словомъ!
Тамъ, во дворцѣ, нашъ злѣйшій врагъ.
Они украли нашу власть,
И всѣ ихъ замыслы нечисты...
За ихъ спиной капиталисты,
Все та-же старая напасть!..»
И краснымъ флагомъ потрясая,
Онъ сталъ кричать: «Да, мы — толпа,
Толпа голодная, босая,
И безотвѣтна, и глупа,
Но насъ послалъ сюда народъ —
Не хочетъ больше онъ господъ!..»

XLIV

А во дворцѣ, въ одномъ изъ залъ,
Чѣмъ дальше, тѣмъ живѣе пренья.
И, какъ всегда, — раздоры, тренья,
О чемъ — никто бы не сказалъ...
Казалось, просто разсудить:
Возстанье начато, въ разгарѣ,
Вопросъ въ рѣшительномъ ударѣ,
Онъ не по силамъ — уходить!
Нѣтъ-нѣтъ, и подбѣгаютъ къ окнамъ:
«Десятокъ тысячъ! Все черно!..» —
«Еще бы! Ждали!.. Вотъ урокъ намъ!
Могли бы кончить все давно!..»
И возбуждаются опять —
Едва дается ихъ разнять...

XLV

Здѣсь и Абрамъ. Онъ самъ не свой...
Едва крѣпился. Наканунѣ
Онъ убѣждалъ совѣтъ, но втунѣ,
Не лгать, не трусить предъ толпой.
Онъ говорилъ: «Пока въ рукахъ
Мы держимъ власть — дорогу власти!
Игра на низменныя страсти!...
Гдѣ нѣтъ ума — пусть будетъ страхъ!
Вы говорите — это вызовъ,
Кто началъ первый? Мы должны
Покончить съ эрою сюрпризовъ,
И безъ того мы у стѣны...»
Но никого не убѣдилъ,
Себѣ-же явно повредилъ...

XLVI

Но, впрочемъ, приняли рядъ мѣръ:
Въ предупрежденіе возстанья
Народу роздали воззванья,
Войска объѣхалъ самъ премьеръ.
Вездѣ держалъ онъ ту-же рѣчь:
«Избави Богъ чинить расправу,
Но тамъ, гдѣ угрожаютъ праву,
На насъ обязанность — беречь...»
И только къ вечеру рѣшили
Арестовать двухъ главарей.
Иль не съумѣли, иль спѣшили —
Одинъ бѣжалъ, другой, еврей,
Искалъ защитниковъ, гдѣ могъ,
И былъ отпущенъ подъ залогъ...

XLVII

Абрамъ стоялъ, прильнувъ къ окну,
Безъ мыслей, въ тягостномъ смущеньи...
Не о такомъ-ли возмущеньи
Мечталъ когда-то, въ старину?!
Тогда, конечно, былъ бы тамъ,
Гдѣ возвышается эстрада...
Теперь — усталость и досада,
Холодный гнѣвъ по временамъ...
А эти толпы? Эти массы?!..
Живое, страшное кольцо...
И слѣдъ болѣзненной гримасы
Перекосилъ его лицо...
Мечты и жизнь! Какой хаосъ!
Онъ духомъ палъ иль... переросъ!..

XLVIII

«Всѣ на балконъ!..» «Пора, пора!..»
Идутъ. Абрамъ уныло сзади.
«Къ чему, скажите Бога ради,
Вся эта дѣтская игра?!..» —
«Вотъ вы увидите!..» — «Трубить!..»
Переполохъ... Но на мгновенье,
И тутъ-же общее движенье —
Пришлось солдатамъ отступить...
И рѣчь... Одна, за ней — другая...
Кричатъ «Ура!..» Благодарятъ...
Премьеръ, программу развивая,
Реформъ перечисляетъ рядъ.
Онъ въ заключенье закричалъ:
«Народъ — начало всѣхъ началъ!..»

XLIX

Вдругъ выстрѣлъ... Рѣзкій и сухой,
Пронесся, точно отчеканилъ...
Волненье, шумъ... Кого-то ранилъ...
И тотчасъ вслѣдъ за нимъ — другой...
И крикъ въ толпѣ: «Уйдите вонъ!
Буржуи! Воры! Ренегаты!..»
Команда... Строятся солдаты...
Но камни въ нихъ и на балконъ...
Министры блѣдны... Всѣ къ премьеру...
Сердито проситъ ихъ молчать
И вдругъ, сорвавшись, офицеру
Съ балкона что-то сталъ кричать...
Абрамъ въ углу... Испугъ въ глазахъ...
Молчитъ, согнулся, весь въ слезахъ...

L

И въ этотъ мигъ въ толпу, надъ ней,
Какъ будто градъ... И трескъ, и грохотъ,
Казалось, чей-то злобный хохотъ,
И онъ все чаще и звучнѣй...
Но, какъ часы, — за ходомъ ходъ...
Ни состраданія, ни гнѣва...
Весь ужасъ этого напѣва
Понять способенъ только тотъ,
Въ кого хоть разъ, но былъ направленъ
Огонь машины роковой...
Ударъ... Толчокъ... И окровавленъ...
Безъ стона... Скошенной травой...
То смерть блуждаетъ по рядамъ,
Хватая жертвы здѣсь и тамъ...

LI

«Кто приказалъ? Остановить!..» —
Раздался громкій крикъ Абрама...
Онъ опоздалъ... Свершилась драма,
И ничего не измѣнить...
Проклятья... Возгласы... Бѣгутъ...
И топотъ ногъ, и смерть въ догонку...
Вотъ сбились въ кучу, но въ воронку
Ворвались пули... Колятъ... Жгутъ...
Еще упали два-три тѣла...
И эти ужасы вездѣ...
Но быстро площадь опустѣла —
И только трупы кое-гдѣ...
«Кто приказалъ? Зачѣмъ? За что?!» —
Не отвѣчалъ ему никто...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I

Абрамъ обрюзгъ и постарѣлъ...
Еще министръ, но противъ воли.
Во власти пережитой боли,
Онъ отстраняется отъ дѣлъ.
И вдругъ еще одна стрѣла:
Узналъ, о немъ молва гудѣла,
Что онъ виновникъ былъ разстрѣла...
И клевета, что день, росла...
Онъ доходилъ до изступленья:
Не зналъ онъ истины простой —
Управа есть на преступленья,
Но какъ бороться съ клеветой?!..
Комокъ, свернувшійся во мглѣ,
Онъ тянетъ вѣтви по землѣ...

II

«Я напечатаю письмо!..»
Премьеръ поморщился. «Не стоитъ!..
Васъ лично это не устроитъ,
А намъ — еще одно клеймо!..
Кто приказалъ? Не вы, не я...
Такую варварскую мѣру...
При васъ кричалъ я офицеру —
Они не слушались меня...
Но ваша рѣчь тогда, въ совѣтѣ —
Предлогъ для праздной болтовни...
Предъ ними всѣ мы въ ложномъ свѣтѣ...
То нашъ удѣлъ! Такіе дни!..»
Абрамъ готовъ былъ возражать,
Но что напрасно раздражать!..

III

«Въ отставку!..» — онъ друзьямъ твердитъ.
Тѣ отвѣчаютъ въ одинъ голосъ:
«И безъ того все раскололось!
Ты истомился, ты сердитъ,
Но самъ скажи: кого взамѣнъ?
Съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ подполья,
Волна такого своеволья,
Такихъ затѣй, такихъ измѣнъ —
Хотя бъ до съѣзда продержаться!
Терпи! Тѣмъ болѣе, что такъ
Не можетъ долго продолжаться —
Кошмаръ!.. Безумье!.. Кавардакъ!..»
Абрамъ того лишь только ждалъ:
«Не я ли васъ предупреждалъ?!..»

IV

Но все тяжеле и больнѣй...
Охваченъ новымъ настроеньемъ,
Онъ поджидаетъ съ нетерпѣньемъ
Пріѣзда Лизы... Онъ за ней
Уже давно вагонъ послалъ.
Онъ какъ-то вычиталъ въ извѣстьяхъ,
Что у своихъ друзей въ помѣстьяхъ
Убитъ толпою генералъ.
Какъ пишутъ, онъ бѣжалъ изъ дома,
За нимъ пришли — арестовать...
Бѣднякъ! Сталъ жертвою погрома,
Одинъ, иль съ теткой — какъ узнать!..
Абрамъ смутился... Былъ не радъ,
Но вызвалъ Лизу въ Петроградъ...

V

Но то давно... Еще тогда,
До скорбныхъ дней его Голгофы,
Недѣли двѣ до катастрофы...
Ужъ меркла яркая звѣзда,
Но онъ боролся... Онъ питалъ
Еще какія-то надежды...
Но пали свѣтлыя одежды,
И передъ нимъ живымъ предсталъ
Весь ужасъ сдѣланныхъ ошибокъ...
Картонный вождь, герой на мигъ,
Герой междупартійныхъ сшибокъ...
И это все, чего достигъ...
И это все, къ чему привелъ
Еще недавній ореолъ!..

VI

Тогда онъ морщился, стоналъ,
Жена казалась осложненьемъ.
Теперь онъ ждетъ ее съ волненьемъ,
Ее съ любовью вспоминалъ...
Всѣ люди на одинъ покрой:
Спѣшимъ на зовъ своей химеры,
Безъ осторожности, безъ мѣры,
Такъ легкомысленно порой,
И въ небесахъ паримъ орлами,
Пока чудовище, смѣясь,
Взмахнувъ туманными крылами,
Не сброситъ насъ въ земную грязь...
Мы смущены, огорчены,
Но вдругъ становимся умны...

VII

Давно-ль Петрову и другимъ
Абрамъ твердилъ: «Жена — обуза,
Не надо лишняго намъ груза,
Когда быть сильными хотимъ.
Я понимаю: вождь — монахъ!
Быть отрѣшеннымъ, быть аскетомъ...
По существу, вся тайна въ этомъ:
Въ сухихъ, безжалостныхъ тонахъ!..»
Теперь забыты эти рѣчи.
Онъ, какъ влюбленный, трепеталъ
И въ Пермь полковника для встрѣчи
Съ двумя курьерами послалъ.
Охотно самъ бы полетѣлъ,
Но невозможно изъ-за дѣлъ...

VIII

Былъ очень труденъ переѣздъ...
Вагонъ, конечно, охраняли,
Но то внезапно отцѣпляли
То вдругъ — общебурятскій съѣздъ,
Пришлось пустить къ себѣ бурятъ;
Въ Тайгѣ толпа въ разгарѣ спора
Грозила сбросить съ косогора —
Такихъ исторій цѣлый рядъ.
Въ вагонѣ Лиза, Ротъ, Ревекка,
Ревеккинъ шуринъ Гольденбротъ
И три-четыре человѣка,
Ихъ подобралъ дорогой Ротъ.
Ревеккинъ шуринъ ужъ не юнъ,
Но такъ и вьется, точно вьюнъ...

IX

На каждой станціи спѣшилъ
То за ѣдой, то взять газеты;
Какъ всѣ, шелъ штурмомъ на буфеты,
Шумѣлъ, безчинствовалъ, крушилъ,
Казалось, разнесетъ вокзалъ.
Смѣялся... «Здѣсь таковъ обычай —
За то, какъ видите, съ добычей!..»
И онъ-же первый разсказалъ
О грустной смерти генерала...
Для Лизы тяжкій былъ ударъ!
Вся содрогнувшись, застонала:
«О, Боже мой, какой кошмаръ!..»
Съ тоской отчаянья въ лицѣ
Рыдала горько объ отцѣ...

X

Кому какое сдѣлалъ зло?
Онъ былъ въ отставкѣ, на покоѣ...
И даже имя боевое
Отъ самосуда не спасло...
Но кто-же, если не она,
Всего больнѣй его сразила?!..
«О, есть Невидимая Сила,
И ею я осуждена!..»
А слезы жарче и сильнѣе,
И жгутъ расплавленнымъ свинцомъ...
И съ каждымъ часомъ ей яснѣе,
Какъ виновата предъ отцомъ...
Отъ тѣхъ погибъ, къ кому пошла —
Господня кара тяжела!..

XI

Спокойна днемъ, за то въ тиши
Ея ночей, теперь безсонныхъ,
Такъ много мыслей обостренныхъ...
За упокой его души
Молитвы шепчетъ про себя
И плачетъ горькими слезами...
Отецъ все время предъ глазами...
Кричитъ во гнѣвѣ, но любя...
Онъ обожалъ дочурку Лизу...
Ее дразнилъ: «Мой носъ — курносъ!..»
Усы, опущенные къ низу,
Щетина бѣлая волосъ,
На лбу глубокій синій шрамъ...
Зачѣмъ увезъ ее Абрамъ?!..

XII

Такъ не нужна она ему...
Въ трудахъ помощница? Нисколько!
Еще препятствіе и только...
И неспособна ни къ чему...
Ревекка часто говоритъ:
«Мы всѣ замучены, мы въ гонкѣ,
Вы-жъ, извините, на колонкѣ
Амуръ, который сладко спитъ!..»
Не спитъ! Неправда! Страстно хочетъ
Понять, осмыслить, уяснить...
Но что-то гложетъ, что-то точитъ,
И рвется, рвется эта нить...
Кто виноватъ? Она? Они?
Кто ей вернетъ былые дни?!..

XIII

И въ этихъ мысляхъ, какъ въ бреду...
Томится, ищетъ, ждетъ чего-то...
А тутъ, надъ ухомъ, Гольденброта
Веселый крикъ: «Сейчасъ приду...
Куплю вамъ уточку я тутъ...
Я въ Омскѣ, знаете, какъ дома,
Мнѣ здѣсь буфетчица знакома...
Кому-кому, а мнѣ дадутъ!..»
Вернулся — не прошло минуты.
Смущенъ, съ газетою въ рукахъ.
«Извѣстья, можетъ быть, раздуты,
Но цѣлый адъ въ пяти строкахъ!
Число убитыхъ безъ конца!
Смотрите: полныхъ три столбца!..»

XIV

Возстанье, ужасы, разстрѣлъ...
Шумятъ... Газету рвутъ на части,
И быстро разгорѣлись страсти...
Отъ гнѣва Ротъ побагровѣлъ.
«Какъ! — закричалъ онъ — бьютъ народъ!
Насъ возвращаютъ къ днямъ царизма...
И кто? Столпы соціалпзма?!..
Необходимъ переворотъ!
Я первый противъ нихъ отнынѣ!» —
Какъ въ лихорадкѣ онъ дрожалъ. —
«Конца нѣтъ подлой ихъ гордынѣ...
Вотъ этакъ я бы ихъ зажалъ!..»
Въ подушку пальцы онъ вонзилъ,
Ее терзалъ что было силъ...

XV

Съ тѣхъ поръ для Лизы все, какъ сонъ...
Ревекки вспышки, крики Рота
И бойкій голосъ Гольденброта,
Въ Перми полковникъ Петерсонъ,
Грудь колесомъ и вся въ крестахъ,
Двухъ дамъ объятья и привѣты
И даже, кажется, букеты...
Съ улыбкой нѣжной на устахъ
Какой-то странный, толстый баринъ...
Стучалъ искусственной ногой ..
Какъ будто Шкуринъ или Шкаринъ...
Всѣмъ говорилъ: «Мой дорогой»,
Ее «министершею» звалъ
И часто руки цѣловалъ...

XVI

Откуда, какъ и почему?
Но Лиза плохо разбиралась...
Душа на части разрывалась —
Мелькнетъ и спрячется во тьму...
Абрамъ, разстрѣлы, смерть отца,
Людей какихъ-то появленье,
За впечатлѣньемъ впечатлѣнье,
И ужасъ, ужасъ безъ конца...
Какой является къ Абраму?
Что въ сердцѣ раненномъ найдетъ?
А тутъ несутъ ей телеграмму:
Онъ такъ волнуется... Онъ ждетъ...
Читаетъ Лиза: «Счастливъ... радъ!..»
Да, если бъ это годъ назадъ!..

XVII

Въ Перми еще одинъ сюрпризъ:
Весь путь прикована къ вагону,
Здѣсь на прогулку по перрону
Она рѣшилась... Такъ, капризъ...
Вдругъ Лиза вздрогнула — гигантъ,
Рубаха черная, обмотки,
На рукавахъ косоворотки
Краснѣютъ перевязь и бантъ.
Узнала сразу Комарова.
Стоялъ съ солдатомъ у дверей
И на нее смотрѣлъ сурово
Изъ подъ нахмуренныхъ бровей...
И ей припомнилось: «приду!
Повѣрьте, я не пропаду!..»

XVIII

И снился сонъ ей въ эту ночь:
Какъ будто поле... Очень жарко...
Невдалекѣ стоитъ хибарка...
Тутъ Лиза вспомнила: точь въ точь,
Была сторожка въ ихъ саду.
Пригнулась, кое-какъ покрыта
И такъ-же дверь полураскрыта,
Лицомъ къ заросшему пруду...
Но какъ тутъ жутко въ этомъ полѣ...
Трава поникла... Тишь вокругъ,
Такая тишь, что по неволѣ
Беретъ раздумье и испугъ...
Итти? Бѣжать? Казалось ей —
Скользитъ надъ полемъ рой тѣней...

XIX

За шагомъ шагъ... Но тяжело...
Съ трудомъ передвигаетъ ноги...
Вдругъ передъ нею, средь дороги,
Какъ если бъ вѣтромъ намело,
Кроваво-красные цвѣты...
Ростутъ въ пыли, другъ къ другу жмутся,
Ихъ стебли, точно змѣи, вьются,
Ползутъ, сплетаются въ кусты.
Изъ каждой чашечки махровой
Глядитъ дрожащій язычокъ,
Глядитъ полоскою багровой,
Къ концу — раздвоенный крючекъ...
И все шевелится, живетъ,
Прозрачнымъ клубомъ паръ идетъ...

XX

Она стоитъ поражена,
Не понимаетъ, что творится...
Сорвать цвѣты — она боится...
Пойти назадъ — пригвождена...
И ощущенье пустоты —
Такой пугающей, бездонной,
Горячимъ солнцемъ опаленной...
А эти страшные цвѣты,
Свиваясь красными пучками,
Уже къ ногамъ ея ползли
И, раздвоенными крючками
Вонзаясь въ платье, облегли
Края одежды, какъ шнуркомъ,
Живымъ, трепещущимъ вѣнкомъ...

XXI

Спѣшитъ скорѣе отряхнуть
Ее обсыпавшія грозди
Но тѣ впиваются, какъ гвозди,
Ползутъ все выше и на грудь
Гирляндой пышной улеглись...
Ихъ язычки дрожатъ, какъ жало...
И вотъ уже ей горло сжало...
Вотъ въ волоса уже вплелись...
Поводятъ чашечками-ртами,
Шуршатъ махровые края...
И что казалось ей цвѣтами —
О, ужасъ! Красная змѣя!..
«Абрамъ! Абрамъ!..» — На этотъ зовъ
Нежданно выросъ Комаровъ...

XXII

Тутъ сразу какъ-то все зажглось,
Пошло зелеными кругами —
Средь нихъ чудовища съ рогами,
Вертѣлось, прыгало, неслось...
И Лиза вскинулась... Предъ ней
Полураздѣтая Ревекка...
«Нельзя пугать такъ человѣка —
Какъ будто жгутъ васъ семь огней!..»
«Ужасный сонъ!» — И слезы градомъ,
И сердце рвется, и тоска...
И лишь совсѣмъ подъ Петроградомъ
Она разсѣялась слегка...
Но вспомнитъ — сразу вся замретъ,
И снова страхъ ее беретъ...

XXIII

Абрамъ былъ милъ, какъ никогда,
И, полонъ нѣжнаго вниманья,
Предупреждалъ ея желанья...
«Теперь мы вмѣстѣ навсегда!» —
Онъ то и дѣло повторялъ. —
«Мы отстрадали и довольно!
Подчасъ мнѣ было очень больно,
Когда я видѣлъ, что терялъ
Всю прелесть нѣжнаго довѣрья...
На насъ обоихъ палъ туманъ...
Пусть предразсудокъ, но теперь я
Въ тебѣ ищу свой талисманъ!..»
И нѣжно, крѣпко цѣловалъ,
Ее «Маскоттой» называлъ.

XXIV

О положеньи, о дѣлахъ
Ей не сказалъ почти ни слова.
Что знала — знала отъ Петрова
Да изъ газетъ. «Полнѣйшій крахъ!» —
Кричалъ взволнованно Петровъ. —
«Такія были тутъ проказы,
Все изъ-за позы, изъ-за фразы,
Что даже я винить готовъ!
Абрама выдѣлять не буду,
Онъ не разумнѣе другихъ,
То онъ безъ толку билъ посуду,
А то, какъ видите, притихъ...
Досадно! Именно сейчасъ,
Когда вокругъ все противъ насъ!..»

XXV

Чтобъ Лизу чѣмъ-нибудь занять,
Ее толкнули въ комитеты.
Тамъ склады, швальни, лазареты —
Ни перечислить, ни обнять.
Но что за люди — красота!
Само собой, герои тыла...
А сколько пафоса и пыла!..
Съ утра до ночи суета...
Тутъ и солдатки, и смолянки,
И все взволнованно, гудитъ...
Но Лиза выбрала портянки
И въ нихъ, какъ въ крѣпости, сидитъ.
Кроитъ портянки, имъ ведетъ
По толстымъ книгамъ точный счетъ...

XXVI

Абрама ей сердечно жаль.
Онъ уязвленъ — ей это ясно.
И все сложилось такъ несчастно,
Такъ неудачно. Онъ, какъ сталь,
Онъ гнется только до поры,
А тамъ не выдержитъ напора...
Онъ гордъ — плохая то опора,
Когда стремглавъ летишь съ горы...
Онъ избалованъ, это — бремя,
Самонадѣянъ — въ этомъ зло,
А въ это путанное время,
Что такъ нежданно подошло,
Натуры цѣльныя нужны,
Безъ старыхъ ранъ, безъ кривизны...

XXVII

Но Лиза думала безъ словъ.
Ихъ и найти могла бъ едва ли...
Въ душѣ тѣ мысли трепетали...
Какъ сложны! Сколько въ нихъ узловъ!
Ихъ не распутать ей одной !..
И все волнуетъ, все тревожитъ...
А въ комъ найти поддержку можетъ?
Отдѣлена отъ всѣхъ стѣной...
Увы! Сама воздвигла стѣны,
Всего боясь, отъ всѣхъ уйдя...
Теперь одна, средь этой пѣны —
Слѣпое, жалкое дитя...
Цвѣтокъ, что бурею помятъ, —
Ее предчувствія томятъ...

XXVIII

Молчали оба... Рядомъ шли,
Другъ другу нѣжно улыбаясь,
А въ тоже время подгибаясь
Подъ ношей тяжкой, что несли...
Кой-какъ кончался длинный день,
За нимъ — другой, еще длиннѣе...
И Лизѣ дѣлалось яснѣе,
Что вновь легла межъ ними тѣнь,
Легла преградою незримой...
Груститъ... Но некого винить!
Когда бъ судьбы неумолимой
Въ своихъ рукахъ держали нить!..
Абрамъ плечами пожималъ
Подчасъ жены не понималъ...

XXIX

Измайловъ прибылъ. Онъ привезъ
Дурныя вѣсти: «Все въ движеньи,
Точнѣй — въ безсмысленномъ броженьи,
Но какъ безсмысленно! До слезъ!..
Едва намѣченная цѣль
И непродуманныя средства —
А въ общемъ — настроенья дѣтства:
Задоръ, капризы, канитель...
Руководители ничтожны —
Какъ угадать, куда скакнутъ?! —
Безтактны, злы, неосторожны...
А массы къ большевизму гнутъ...
И власти нѣтъ — упразднена,
Обхулиганилась страна...

XXX

Измайловъ не находитъ словъ —
Такъ безотрадно впечатлѣнье:
«Сказалъ бы, полное гніенье —
Ни рукъ, ни воли, ни головъ...» —
«А какъ... разстрѣлъ?» — «Тебя винятъ!..» —
«Но это подлость!» — «Время злое...
На всемъ гнуснѣйшіе наслои...
Во всѣ колокола звонятъ...» —
«А ты?» — «Не вѣрю. Усумнись я,
Конечно, не былъ бы я здѣсь...
Ты помнишь — Павлова Анисья?
Пыталась... Быстро сбилъ я спѣсь!
Такъ и шипѣла: «вашъ Абрамъ!..»
Вотъ не люблю подобныхъ дамъ!..»

XXXI

Абрамъ примѣтно загрустилъ,
Сидѣлъ задумчиво, понуро...
«Анисья — помню. Злая дура!
Но какъ узнать, кто распустилъ?!..»
Онъ быстро всталъ. «Пойми, пойми!» —
Измайлову онъ крикнулъ страстно, —
«Предупреждалъ я, какъ опасно
Шутить съ подобными людьми.
Все можно было кончить сразу:
Тѣ господа на перечетъ...
Но распустили, какъ заразу —
Теперь самъ чортъ не пересчетъ!..
Пытались лаской и добромъ —
Само собою, грянулъ громъ!..»

XXXII

Абрамъ старался передать
Весь ходъ своихъ переживаній:
«Клянусь, не ради оправданій!
Да и чего теперь мнѣ ждать!
Я осужденъ!.. Да, кстати... вотъ...»
Досталъ письмо онъ изъ кармана —
«Возьми, читай... Того-же стана...
Нашъ пресловутый Миша Ротъ...
Меня онъ требуетъ къ отвѣту...
Зоветъ убійцей... Мнѣ грозитъ...
Онъ, видишь, произвелъ анкету...
Подлецъ! Несчастный паразитъ!..» —
Онъ разорвалъ письмо въ куски. —
«Шалите!.. Руки коротки!..»

XXXIII

Онъ то садился, то ходилъ,
То былъ спокойнѣй, то, казалось,
Его волненье разгоралось...
«Вотъ такъ часами я бродилъ,
Бѣсясь, какъ звѣрь, попавшій въ плѣнъ,
Бродилъ средь звѣздоносной рати,
Среди портретовъ бывшей знати,
Что на меня глядятъ со стѣнъ...
Бродилъ и думалъ ту-же думу:
На что разсчитывали? Съ чѣмъ
Пришли мы къ власти? Сколько шуму —
А въ существѣ? Тогда зачѣмъ?
Зачѣмъ мы бросились къ рулю?
Самихъ себя свести къ нулю?!

XXXIV

«И, въ самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ пришли?
Съ готовымъ планомъ? Нѣтъ, съ мечтами...
Намъ усыпали путь цвѣтами,
А мы? Что людямъ мы несли?
Соціализмъ? Но то — призывъ,
То — кличъ, исповѣданье вѣры...
А жизнь? А тѣло? Разумъ? Мѣры?
Въ отвѣтъ на все — благой порывъ!
Во имя нашихъ убѣжденій
Годами гнили мы въ тюрьмѣ,
А жили какъ? Среди видѣній,
Средь полумыслей, въ полутьмѣ...
И въ этомъ корень нашихъ бѣдъ —
Мы для борьбы, не для побѣдъ..,

XXXV

«Какъ жизнь казалась намъ проста!
Какъ разграфленная таблица...
Извольте! Вотъ она — Жаръ-птица!
Въ рукахъ... Исполнилась мечта...
Казалось, только дайте знакъ...
Вертимъ Жаръ-Птицу, такъ и этакъ,
Но ни въ одну изъ нашихъ клѣтокъ
Не уложить ее никакъ...
Попреки, распри, компромисы,
Кричимъ народу: «подожди!..»
И лжемъ, какъ модныя актрисы,
Мы, нынѣ модные вожди...
И это не случайность! Нѣтъ!
То жизнь дала намъ свой отвѣтъ!..

XXXVI

«Но это мы... А что кругомъ?
Всѣ эти шедшіе по слѣду,
Чтобъ съ нами праздновать побѣду,
Точнѣй — живиться пирогомъ...
Что въ ихъ всклокоченныхъ мозгахъ?
На почвѣ старыхъ прокламацій
Безумный вихрь галлюцинацій,
И мы — орудье въ ихъ рукахъ..
При ихъ безмѣрномъ апетитѣ
Еще безмѣрнѣе ихъ злость,
И вотъ, хотите, не хотите,
Швыряйте имъ за костью кость...
Все разбросали, что могли,
Но положенья не спасли...

XXXVII

«Я не виню... Не въ этомъ суть,
Упомянулъ я только кстати...
Вопросъ идетъ о результатѣ...
Я окунулся въ эту муть...
Былыхъ иллюзій больше нѣтъ!
Вся наша сила — наша вѣра!
А наши лозунги — химера...
Игра... Бряцанье кастаньетъ!..
Гнѣвъ — нашъ единственный учитель
Отъ юныхъ лѣтъ насъ направлялъ,
И нашихъ душъ руководитель,
Онъ эти души отравлялъ...
Мы худосочны, мы больны, —
Что можемъ сдѣлать для страны?!..

XXXVIII

«Возьму себя... Живой примѣръ...
Переживалъ всю эту драму...
Казалось, зналъ свою программу,
Но въ топкой зыби полумѣръ
Погрязъ я съ первыхъ же шаговъ,
А почему? Я видѣлъ ясно,
Что дѣлать опыты опасно...
Конечно, нажилъ я враговъ,
Но это было неизбѣжно:
Жизнь или благо, или зло,
Но все въ ней мощно и безбрежно
И все корнями вглубь ушло.
Жизнь по линейкѣ расчертить —
Она съумѣетъ отомстить.

XXXIX

«И сбился я... Не стану лгать:
Какъ всѣ, не зналъ, чего держаться —
Кончать войну, или сражаться,
Желать проливовъ — не желать,
Начать ли вѣшать, иль нельзя,
Отдать ли землю, иль не время...
Намъ не по силамъ было бремя —
Мы шли шатаясь и скользя...
И крикъ друзей: «Что скажутъ массы?!
А прошлый съѣздъ? А комитетъ?!..»
И пересуды, и прикрасы,
Что ни начнешь — сведутъ на нѣтъ...
Разъ выбитъ мечъ — къ чему ножны?
Кому такіе мы нужны?!..

XL

«Меня винятъ... Моя вина
Совсѣмъ не тамъ, гдѣ ищутъ Роты...
Бунты, стрѣльба, перевороты,
Вся эта страшная волна,
Бытъ можетъ, мнѣ она больнѣй,
Чѣмъ новоявленнымъ Катонамъ.
Имъ дайте власть! Къ такимъ-ли стонамъ
Они пріучатъ?! Съ первыхъ дней
Кровавой бурей понесется
Ихъ хороводъ по всѣмъ концамъ..
Шешковскій въ гробѣ содрогнется,
Быть можетъ, даже Бирономъ самъ...
Да что Шешковскій? Грозный Царь,
И тотъ окажется кустарь...

XLI

«Моя вина, что я не тотъ,
Какимъ себя считалъ я прежде...
Меня назначили въ надеждѣ,
Что я защита и оплотъ.
Я старый, опытный боецъ,
Я пострадалъ, я принялъ муки,
Казалось, мнѣ и книги въ руки,
И, въ самомъ дѣлѣ, наконецъ,
Кого-же звать? Но въ этомъ драма —
Другой-ли, я ли, все равно,
Одна цѣна!» — Въ глазахъ Абрама
Блеснули слезы. — «Я давно
Я не скажу, чтобы прозрѣлъ,
Но чуялъ боль отъ этихъ стрѣлъ...»

XLII

Абрамъ умолкъ. Онъ у стола
Сидѣлъ, закрывъ лицо руками,
И Лиза робкими шагами
Къ нему неслышно подошла.
«Уѣдемъ!» — Вздрогнулъ онъ.—«Ты здѣсь?»
— «Давно. Ты этимъ недоволенъ?»
— «Нѣтъ, просто я немного боленъ...
Не по себѣ... Издерганъ весь...»
Онъ обнялъ Лизу. — «Не смущайся!
Все не серьезно... Ни къ чему!..»
— «Уѣдемъ!» — «Другъ мой, не мѣшайся...
Дай мнѣ устроить самому!..»
Сопя, не отрывая рукъ,
Измайловъ чистилъ свой мундштукъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I

«Товарищъ Аристарховъ правъ!..
Пора покончить съ этой выдрой!..»
(Онъ разумѣлъ, конечно, «гидрой») —
Такъ, вкругъ себя толпу собравъ,
Сердито объяснялъ матросъ.
Нн видъ обрубкомъ, коренастый,
Глаза колючіе, скуластый,
Лобъ на три четверти заросъ,
И голосъ хриплый съ перепоя.
Матросъ входилъ все больше въ ражъ:
«Довольно этого разбоя!
Повоевали, и шабашъ!..
Имъ все — аннексіи!.. Позволь,
Да намъ на радость это, что-ль?!..»

II

Толпа довольна. Говорунъ,
Чѣмъ далыше, тѣмъ кричитъ задорнѣй:
«Должны добраться мы до корней —
Тогда имъ будетъ карачунъ!..»
Невдалекѣ — другая рѣчь:
Студентикъ, въ форменной фуражкѣ,
Въ цвѣтной, безъ пояса, рубашкѣ,
И волоса почти до плечъ.
Стоитъ на шаткомъ табуретѣ,
Вотъ-вотъ, казалось, упадетъ...
О новоизбранномъ совѣтѣ
Бесѣду пылкую ведетъ.
«Пролетарьятъ... соціализмъ...
Война... буржуи... коммунизмъ...»

III

И тутъ толпа, и тутъ восторгъ.
Лѣвѣй — солдатъ пришелъ съ вещами,
Здѣсь мало заняты рѣчами,
Идетъ упорный, бойкій торгъ...
Но дальше, къ крайнему окну,
Опять какой-то агитаторъ,
Какъ видно, опытный ораторъ,
И тѣ-же рѣчи про войну.
«Предлога ищутъ для отсрочки...
Сулить — сулятъ, а не даютъ...
Дошли, товарищи, до точки,
И всѣхъ насъ скоро перебьютъ!..»
Заученъ жестъ, заученъ тонъ,
Неутомимъ, какъ граммофонъ..

IV

А въ глубинѣ, у входа въ залъ,
Гдѣ небольшой стоитъ примостокъ,
Виднѣлась дѣвушка-подростокъ.
На ней черкеска, и свисалъ
Большой револьверъ на боку.
Черна, глаза какъ у волченка,
Къ затылку сдвинута шапченка....
Долбитъ, какъ дятелъ на суку...
Все кулачками потрясала...
Легко понять, куда зоветъ...
Кричитъ... И вотъ уже изъ зала
Кой-кто просунулся... Ростетъ
Число поклонниковъ вокругъ,
Все оживленнѣй этотъ кругъ...

V

Звонокъ... Особый нынче день:
Собранье новаго совѣта.
Толпа рѣчами подогрѣта
(Кричали всѣ, кому не лѣнь),
Ломилась въ залъ. На первый взглядъ —
Апраксинъ дворъ, стеченье сброда,
Но этимъ множествомъ народа
Умѣло здѣсь руководятъ.
И рѣчи пылкія фразеровъ,
И этотъ неумолчный шумъ —
Въ рукахъ толковыхъ режисссеровъ
Все по шнуру, не на обумъ.
Но скрытно... Только тамъ и тутъ,
Какъ метеоры промелькнутъ...

VI

Кого здѣсь нѣтъ?! Толпа солдатъ,
Ихъ много больше, чѣмъ рабочихъ,
Матросы — группами. Изъ прочихъ
Тутъ и босякъ, и адвокатъ,
И офицеръ, и журналистъ,
Ватага персовъ въ грязныхъ тряпкахъ,
Мѣстами — дамы въ модныхъ шляпкахъ,
Тутъ и студентъ, и гимназистъ,
Тутъ дворникъ, лавочникъ съ женою,
Есть и приказчикъ и купецъ,
А вотъ, подхваченный волною
Монахъ какой-то, наконецъ.
Почти не видно мужика —
Еще наивенъ онъ пока.

VII

Вглядитесь въ лица! Боже мой!
Да это старые знакомцы,
Отчасти — наши-же питомцы,
Плелись за нашею кормой...
Вотъ этотъ малый, напримѣръ, —
Блондинъ, съ проборомъ до макушки,
Лицо обсыпали веснушки,
Иль садоводъ, иль землемѣръ...
Въ воротникахъ, всегда опрятенъ,
Служилъ усердно господамъ,
Старался дамамъ быть пріятенъ,
Зналъ по французски: «вуй, мадамъ!..»
Ну, а теперь? Какъ звѣрь рычитъ,
«Кончать буржуевъ!..» — онъ кричитъ...

VIII

Иль этотъ, что, суровъ и хмуръ,
Сидитъ съ ораторомъ матросомъ...
Щетина рыжая подъ носомъ...
Давно-ль въ ливреѣ «Помпадуръ»
Оберегалъ онъ «Монъ Трезоръ»,
Кинематографъ на Литейной,
Бѣжалъ съ улыбкою елейной:
«Подать прикажете моторъ?»
Теперь онъ лязгаетъ зубами,
Какъ забѣжавшій въ стадо волкъ,
И злобно шепчетъ: «Лбами, лбами!
До одного? И будетъ толкъ!..»
Ему не надо пылкихъ словъ,
Онъ и сейчасъ на все готовъ...

IX

А этотъ сѣрый мальчуганъ?
Я помню... Скромный и смущенный,
Казалось, къ двери пригвожденный, —
Глядите: завитъ, какъ баранъ...
Мочалой были волоса...
Булавка, кольца, двѣ цѣпочки,
Блондинка въ шелковомъ платочкѣ...
Откуда? Право, чудеса...
Онъ — слесарь, можетъ быть, — механикъ,
Точнѣе — только ученикъ,
Теперь — народный онъ избранникъ
И новой мудрости родникъ.
«Тутъ амплитуда... не того...
Но... доберемся до всего!..»

X

А тотъ, что съ книгой, впереди?
Служилъ онъ писаремъ въ конторѣ...
Смотрите: ѣздитъ на моторѣ,
Два красныхъ банта на груди...
Когда-то скромныя мечты:
Съ двумя тысченками невѣста
Скорѣй назадъ, въ родное мѣсто,
И разводить въ саду цвѣты...
Читалъ съ восторгомъ Рокамболя,
Любилъ чувствительный «стишокъ»,
Пѣлъ подъ гитару «Доля, доля»
И стригъ усы подъ гребешокъ...
Теперь — извѣстный депутатъ
И кровожаденъ, какъ Маратъ...

XI

А тотъ, что поднялъ тамъ кулакъ?
Лѣтъ сорока, сухой, костистый,
И весь какой-то землянистый,
На шеѣ, за ухомъ желвакъ —
Давно-ль сбирался въ монастырь,
Смотрѣлъ вздыхая на иконы
И билъ безъ устали поклоны?
И вдругъ теперь, какъ нетопырь,
Онъ рвется къ крови, дышетъ местью,
Глаза — два острые ножа,
И счастливъ каждому извѣстью
О новомъ взрывѣ мятежа...
Гдѣ здѣсь начало и конецъ —
Не объяснитъ намъ и мудрецъ...

XII

Здѣсь много вижу я такихъ:
Еще недавно такъ спокоенъ,
Во всякомъ случаѣ — не воинъ,
Такъ простъ, услужливъ, скроменъ, тихъ,
Еще недавно всюду вы
Твердили гордо: « Мнѣ онъ преданъ!..»
Но плодъ запретный былъ отвѣданъ,
И не снести вамъ головы...
Кто виноватъ и какъ случилось —
Теперь ужъ поздно разбирать...
Что ополчилось — ополчилось,
И надо съ честью умирать...
Взгляните: вотъ ихъ цѣлый рядъ —
Какою злобою горятъ!..

XIII

Но это — лица... Есть толпа,
Вся эта масса, тѣ, кто годы,
Десятки лѣтъ терпѣлъ невзгоды...
Судьбы тяжелая стопа
Топтала ихъ, лишивъ всего...
Они — ничто въ системѣ сложной,
Пускай единственно возможной,
Но имъ не легче оттого...
И имъ, безвинно виноватымъ,
Дано трудиться и молчать...
Существовали, чтобъ богатымъ
Существованье облегчать...
Теперь — ихъ праздникъ, но... на мигъ,
До новыхъ тягостныхъ веригъ...

XIV

Они·— толпа и простецы...
Сейчасъ, какъ будто что-то значатъ,
Но ихъ безбожно одурачатъ
Вотъ эти самые дѣльцы,
Вотъ эти самые, что тутъ
Въ роскошномъ залѣ засѣдаютъ...
Однимъ движеньемъ ихъ взнуздаютъ,
И вновь ярмо и снова — кнутъ...
И вновь безвинно виноваты,
И вновь, какъ цѣпи, жизнь влачить...
За мигъ свободы вѣкъ расплаты,
Ни отмолить, ни умягчить...
И будутъ безъ конца терпѣть —
Вѣками пріучила плеть...

XV

Звонокъ... Движенье... За столомъ —
Онъ полукругомъ на эстрадѣ —
Сидятъ вожди въ большомъ парадѣ.
Вотъ предсѣдатель — Окербломъ,
Капланъ, съ нимъ рядомъ, Комаровъ
(Теперь — товарищъ Аристарховъ),
Репейчикъ, Тузикъ, Иринарховъ,
Горбунъ-Кандыба, Махмуровъ,
Найдете здѣсь и Мишу Рота,
Флертуетъ съ Агніей Ревень,
Рыжинскій къ нимъ въ полъ-оборота,
Сіяетъ, какъ весенній день.
Еще двѣ дамы. Есть Латышъ.
Вонъ — «боевикъ» товарищъ Кнышъ...

XVI

Собранье всклоченныхъ бородъ,
Суровыхъ лицъ, недобрыхъ взглядовъ
И неожиданныхъ нарядовъ:
Въ австрійской курткѣ Миша Ротъ,
Рыжинскій въ сѣромъ сюртукѣ,
Капланъ въ обтрепанной гусаркѣ,
Репейчикъ — франтъ высокой марки —
Въ лохматомъ желтомъ пиджакѣ.
Латышъ въ визиткѣ... Неопрятенъ,
Казалось, весь лоснится онъ...
Рядъ непріятныхъ, мутныхъ пятенъ,
Какой-то сѣрый мглистый тонъ...
Да, правъ Абрамъ! Имъ дайте власть —
Они себя натѣшатъ всласть!..

XVII

Толпа всецѣло въ ихъ рукахъ.
Конечно, многое не ясно,
Но понимаютъ всѣ прекрасно,
Что дѣло въ чувствахъ, не въ словахъ.
Зовутъ чужое подѣлить,
Безъ промедленья, тутъ, на мѣстѣ,
И по хорошему, по чести, —
Вотъ будутъ Господа хвалить!..
Земля и деньги, и заводы —
Все будетъ общее для всѣхъ,
Какой бы ни былъ ты породы —
Владѣйте каждый безъ помѣхъ...
Кто умеръ — тотчасъ отберутъ,
Но дѣтямъ новое дадутъ...

XVIII

Буржуямъ, ясно, не съ руки —
Своимъ дѣлиться нѣтъ охоты:
На видъ, пожалуй, доброхоты,
А такъ и взяли бы въ штыки...
Но имъ теперь не обмануть,
Довольно видѣли обмановъ...
Вѣками стригли, какъ барановъ,
Пора какъ слѣдуетъ пугнуть...
Спасибо, люди объяснили,
Вотъ этотъ, избранный совѣтъ,
А то начальство отмѣнили
Да никакого толка нѣтъ!
«Ура, товарищъ Окербломъ!..» —
И Окерблому бьютъ челомъ...

XIX

Но тѣ, другіе, кто бойчѣй,
У этихъ замыслы покруче:
Была бы свалка — въ общей кучѣ
Тряхнуть не трудно богачей,
Да такъ, чтобъ истинно, на вѣкъ,
Безповоротно, все до нитки...
То будутъ крупные прибытки,
И сразу станешь человѣкъ...
Тѣ мысли, что годами зрѣли
Въ тиши гаражей и людскихъ,
Въ полупивныхъ и на панели,
И въ душныхъ, грязныхъ мастерскихъ —
Казалось, бредъ! О, чудеса!
Открыты настежь небеса!..

XX

Теперь бы только не зѣвать
Того гляди, другой обгонитъ...
Возметъ — пожалуй, не обронитъ,
И будешь нищимъ вѣковать...
Однимъ ударомъ по всему —
Ужъ начинать, такъ прямо въ темя,
Чтобъ уничтожить это племя,
Не обновиться бы ему...
Въ душѣ, задохшейся отъ пыли
Господской брани и обидъ,
Въ ней эти волны сразу смыли
Не только жалость, но и стыдъ...
Чего-же медлитъ Окербломъ?
И Окерблому бьютъ челомъ...

XXI

А онъ, задумчивый, сидитъ,
Тщедушный, сѣренькій, невидный,
Такой, казалось, безобидный,
Скорѣе жертва, чѣмъ бандитъ...
Какъ будто скорбь въ его глазахъ,
Густыя брови навйсали...
Евангелистовъ такъ писали
На нашихъ старыхъ образахъ...
Съ курчавой рыжей бородою
И лысый черепъ съ пояскомъ...
Вотъ-вотъ съ молитвою святою
Онъ на земь бросится ничкомъ...
О чемъ онъ думалъ? Какъ сказать?!..
Онъ самъ не могъ бы описать...

XXII

Какой-то путанный клубокъ...
Но мысли больше дѣловыя...
Минуты близки роковыя,
А такъ таинственъ и глубокъ,
Во многомъ страшенъ и ему,
Переворотъ, имъ возвѣщенный,
Что, неизвѣстностью смущенный,
Робѣетъ онъ... Но никому
Не дастъ онъ этого замѣтить...
Онъ на виду... Одинъ за всѣхъ...
Опасность онъ съумѣетъ встрѣтить...
Въ его рѣшимости успѣхъ...
До утра спорили вчера...
Довольно медлили!.. Пора!..

XXIII

Какъ съ дѣломъ справится Капланъ?
За нимъ кронштадскіе матросы...
Есть нерѣшенные вопросы,
Но въ общемъ разработанъ планъ...
Репейчикъ, этотъ не продастъ...
Все хорошо у Комарова...
Но мало вѣры въ Махмурова —
Онъ не работникъ, а балластъ...
Ревень глупа, неосторожна,
Кандыба трусъ и мелкій лжецъ...
Терпѣнье! Смѣна невозможна,
А, впрочемъ, скоро и конецъ...
Придется многихъ замѣнить
А кой-кого и... устранить!..

XXIV

Побѣда будетъ не легка,
Но затрещали, гнутся своды,
И какъ безумныя, тѣ воды,
Что мчитъ кипящая рѣка...
Кто эти воды разбудилъ?
Надъ нимъ смѣялись, былъ изгоемъ,
Теперь народнымъ сталъ героемъ —
Не онъ ли всѣмъ руководилъ?!..
И отблескъ сдержанной усмѣшки
Мелькнулъ и замеръ на лицѣ...
«Всѣ эти люди только пѣшки,
Они въ тискахъ, они въ кольцѣ,
И будетъ такъ, какъ я велѣлъ!
Повиноваться ихъ удѣлъ!..»

XXV

Пятнадцать лѣтъ онъ велъ борьбу,
Но для грядущихъ поколѣній,
И въ жертву имъ безъ сожалѣній
Принесъ, что могъ, — свою судьбу...
Боролся, вѣрилъ, но не ждалъ,
Что колесо такъ повернется,
Что самому ему придется
Осуществлять свой идеалъ...
Но сколько муки и работы!
Свалить все прошлое, разбить
Всѣ эти старые оплоты
И новый міръ соорудить...
Невольно страхъ его беретъ,
Но смѣло движется впередъ...

XXVI

Въ концѣ концовъ, одинъ прыжокъ,
Лишь разсчитать его умѣло...
Противникъ дѣйствуетъ несмѣло
Да и ничтоженъ ихъ кружокъ...
Немедля, въ первомъ-же пылу
Ихъ обезвредить всѣхъ, по списку —
Нелѣпо подвергаться риску
И оставлять врага въ тылу...
Жалѣть? Что пользы? Помогло-бъ ли?!
Не колебаться, не кружить...
Бить по коню, не по оглоблѣ,
Два міра — вмѣстѣ имъ не жить...
И пусть кричатъ, обычный вздоръ —
Конечно, долженъ быть терроръ!..

XXVII

Бояться крови?! А они?
А всѣ правительства на свѣтѣ?
Кто побѣжденъ, тотъ и въ отвѣтѣ,
Гдѣ пашутъ, тамъ корчуютъ пни...
Не месть, а справедливый гнѣвъ!
Не для народа — для народовъ!..
Не уберечь весеннихъ всходовъ —
Погибнетъ сдѣланный посѣвъ...
«Христосъ пришелъ съ Своей Любовью
Во имя рая въ небесахъ,
А рай земной мы купимъ кровью,
Хотя бы міръ тонулъ въ слезахъ...»
Онъ вздрогнулъ... «Да, прольется кровь!
Она въ итогѣ дастъ любовь!..»

XXVIII

Мысль оборвалась... Слышенъ споръ...
Кооператоръ изъ Тюмени...
Толпа кричитъ: «Эй, ты, пильмени!..»
«О нихъ ли съ вами разговоръ?!..»
— «Пильменщикъ! Вонъ его! Долой!»
«Пусть до пильменей мы охочи —
За то въ трудахъ съ утра до ночи!..»
Въ отвѣтъ ему свистки и вой...
Кооператоръ началъ снова:
«Идете въ міръ съ великимъ зломъ!..»
— «Товарищъ, васъ лишаю слова!»
Вмѣшался въ дѣло Окербломъ.
«Позвольте» — «Нѣтъ!» — «Позвольте, я...»
— «Да говорятъ-же вамъ: нельзя!..»

XXIX

Трибуну занялъ Махмуровъ.
Высокъ и худъ, съ лицомъ ищейки,
Глаза, какъ щели, — двѣ ячейки,
Носъ въ жилкахъ, изсине багровъ,
Волосъ немного и, какъ мхи,
Растутъ стдѣльными клоками,
Лобъ узкій, съ сжатыми висками,
И уши, точно лопухи.
Онъ говорилъ, какъ будто крался,
Слащавымъ, тонкимъ голоскомъ.
Куснетъ и снова весь собрался,
Спѣшитъ въ кусты, назадъ, ползкомъ...
А погодя — еще налетъ,
И снова въ темя долбанетъ...

XXX

«Намъ здѣсь, товарищи, твердятъ,
Что мы безъ смысла пустословимъ
И тѣмъ реакцію готовимъ...
Обычный ихъ буржуйный взглядъ:
Не смѣемъ плакаться на боль!..
Учителя! Безъ нихъ въ лѣсу мы!..
Ишь, запищали толстосумы —
Имъ наступили на мозоль!..
Бытъ можетъ, нуженъ операторъ?!..
Великолѣпно! Мы придемъ
И вамъ, пильменнѣйшій ораторъ,
Мозоли сразу всѣ сведемъ...
Однимъ ударомъ, на всегда —
Болѣть не будутъ никогда!..»

XXXI

Въ толпѣ имѣлъ большой успѣхъ.
Онъ говорилъ, что для народа
Была ловушкою свобода:
Схватились: глянь, пустой орѣхъ!..
Онъ говорилъ и о войнѣ,
Упомянулъ и о разстрѣлѣ,
О роли Кона въ этомъ дѣлѣ...
Играя на больной струнѣ,
Онъ велъ себя, какъ провокаторъ, —
Не разъяснялъ, а поджигалъ...
Уже забытъ кооператоръ
И веселится шумный залъ...
Въ углу, съ тревогою въ глазахъ,
Вздыхая, крестится монахъ...

XXXII

Одинъ ушелъ, другой — бѣгомъ,
Смѣнялись быстро на трибунѣ,
И всѣ въ одно. И было втунѣ
Пытаться спорить. Съ смѣльчакомъ
Кончали быстро: «Вонъ! Долой!..»
И не дадутъ сказать ни слова...
Бѣжитъ товарищъ Соколова...
Какъ бы обсыпана золой —
Сѣра, вся выцвѣла, въ кудряшкахъ,
Большіе тусклые глаза...
Волнуясь, роется въ бумажкахъ,
И слышна въ голосѣ слеза...
«Народъ... коммуна... идеалъ...» —
И бурно рукоплещетъ залъ.

XXXIII

Встаетъ товарищъ Окербломъ.
Не передать энтузіазма...
Онъ началъ тихо: душитъ спазма,
Но лишь минуту, а потомъ
Овладѣваетъ онъ собой,
И рѣчь потокомъ бурнымъ льется...
На лбу замѣтно жила бьется
Полоской темно-голубой...
Все тѣ-же старые мотивы,
Но словъ и образовъ снопы,
То угрожающи, то льстивы,
По настроенію толпы.
И вдругъ, возвысивъ голосъ свой,
Бросалъ онъ лозунгъ боевой.

XXXIV

«Предъ нами злой, опасный врагъ.
Не тѣ, что во дворцахъ засѣли —
Даю имъ сроку двѣ недѣли,
Мы дунемъ — скатятся въ оврагъ...
Бѣда грозитъ издалека.
Съ своими справимся легко мы,
Наперечетъ, намъ всѣ знакомы,
Не стоятъ добраго щелчка.
Врагъ настоящій — за морями.
Богатъ, могущественъ, уменъ.
Неуловимыми сѣтями
Пролетарьятъ имъ оплетенъ.
Должны тѣ сѣти мы порвать —
Намъ безъ того не сдобровать...

XXXV

«Международный капиталъ —
Сторукій богъ въ огромномъ храмѣ.
Онъ утопаетъ въ ѳиміамѣ,
Изъ труповъ сложенъ пьедесталъ.
Всепожирающій драконъ —
Ему хвала, ему моленья,
И въ страхѣ ждутъ его велѣнья,
Онъ — откровенье и законъ...
Была та власть несокрушима,
Желѣзомъ скованная власть,
Но наша рать неустрашима,
Должна твердыня эта пасть..
И суждено быть власти той
Подъ пролетарскою пятой!..

XXXVI

«Но доля наша тяжела:
Все противъ насъ — печать, наука,
Мы всѣмъ помѣха и докука,
Всѣ намъ желаютъ только зла...
Для нихъ мы — жалкіе рабы...
Въ отвѣтъ на наши ликовнья
Услышимъ крикъ негодованья —
Ничто не дастся безъ борьбы!
Какъ только, выстроивъ дружины,
Начнемъ мы смѣлый нашъ походъ,
Нажмутъ всѣ кнопки, всѣ пружины
Они немедля пустятъ въ ходъ!
И этотъ ихъ сторукій богъ
Насъ разорвалъ бы, если бъ могъ!..

XXXVII

«Но нѣтъ! Побѣда не за нимъ!
Насъ много больше, мы сильнѣе,
Мы вмѣстѣ связаны тѣснѣе —
Та цѣпь, которую влачимъ,
Она сковала насъ въ одно.
Ихъ связь — въ ихъ общихъ преступленьяхъ,
А наша — въ свѣтлыхъ устремленьяхъ,
И эта связь уже давно.
Мы — какъ одинъ, они всѣ — розно;
Намъ добывать, а имъ терять...
Когда поймутъ, ужъ будетъ поздно,
И насъ-же станутъ умолять...
И, съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ,
Ихъ бога мы повергнемъ въ прахъ!..»

XXXVIII

Чѣмъ дальше мысль онъ развивалъ,
Тѣмъ все несдержаннѣй призывы,
Но въ залѣ тѣмъ сильнѣе взрывы
Апплодисментовъ и похвалъ.
«Въ Европѣ такъ-же, какъ у насъ,
Все на чредѣ, и все готово.
Одно рѣшительное слово,
И не сдержать народныхъ массъ...
И мы то слово громко скажемъ,
Знамена наши двинувъ въ бой...
Кто противъ насъ, того накажемъ,
И все сметемъ мы предъ собой!..
Товарищи! Европа ждетъ!
Весь міръ за нами вслѣдъ пойдетъ!..»

XXXIX

Еще немного, слово-два,
Могла бы буря разыграться...
Ужъ стали страсти разгораться,
И видно — держатся едва...
Немедля измѣнили тонъ —
Еще минута не настала...
Понизить настроенье зала
Былъ пущенъ Тузикъ. Ревъ и стонъ...
Но Тузикъ твердъ. Онъ съ длинной смѣтой,
Финансы, цифры — не понять...
И постепенно мѣрой этой
Имъ удалось толпу унять...
А на эстрадѣ, за столомъ,
Задумчивъ, грустенъ Окербломъ...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I

Сомнѣній нѣтъ — то былъ конецъ...
Бои какъ будто продолжались,
Но кто, зачѣмъ и гдѣ сражались —
Не разобраться... Взятъ дворецъ,
Министры схвачены, сидятъ
Кто гдѣ, подъ строгимъ карауломъ,
Другихъ хватаютъ всѣхъ огуломъ,
И дни свои пролетарьятъ
Проводитъ въ кражахъ и въ разбоѣ...
И кровь, и стоны... Нашъ герой
Успѣлъ бѣжать... Ихъ было трое:
Абрамъ, премьеръ и Выровой —
Министръ уже послѣднихъ дней
(Не могъ устроиться умнѣй!).

II

Премьеръ обоихъ взялъ съ собой.
Онъ для защиты Петрограда
Изъ Пскова вызвалъ два отряда,
Мечталъ вести ихъ лично въ бой.
Но не ко времени былъ планъ —
Ихъ захватила катастрофа
Въ пяти верстахъ отъ Петергофа,
Гдѣ ужъ хозяйничалъ Капланъ.
Премьеръ рѣшилъ, что будетъ драться
Остался съ нимъ и Выровой.
Абрамъ пѣшкомъ сталъ пробираться
Назадъ за Лизой. Головой
Онъ рисковалъ — онъ это зналъ,
Но шелъ, какъ если бъ вѣтеръ гналъ...

III

И дерзость замысла спасла.
Кто могъ искать его въ столицѣ?!
Близъ Хапаранды, на границѣ,
Иль тамъ, въ Торнео... Вѣсть прошла,
И сразу стали всѣ кричать,
Что скрылся онъ на Валаамѣ.
«Грѣховъ не мало на Абрамѣ» —
Смѣялась красная печать.
А онъ, въ снѣгу, почти безъ пищи,
Бродилъ четыре долгихъ дня...
Завидитъ гдѣ-нибудь кладбище —
Тамъ прикурнетъ, судьбу кляня,
И снова въ путь... Рукой подать —
Но надо это испытать!..

IV

Переодѣтый бѣднякомъ,
Въ потертомъ, рваномъ макинтошѣ,
Шляпенка рыжая, калоши,
Гдѣ глуше — полемъ, гдѣ — лѣскомъ,
Понуря голову, шагалъ
И, озираясь, весь въ тревогѣ,
Людей, встрѣчавшихся въ дорогѣ,
Онъ, сколько можно, избѣгалъ.
И все-же около Ульянки
Присталъ къ нему какой-то типъ.
Дошло до крупной перебранки,
Еще немного — и погибъ...
Пугалъ Путиловскій заводъ —
Абрамъ отправился въ обходъ.

V

Свернулъ задворками, подъ мостъ,
Пошелъ запасными путями,
Чуть не застрялъ въ какой-то ямѣ...
Но вотъ послѣдній виденъ постъ...
Абрамъ свободнѣе вздохнулъ.
Теперь ужъ скоро и столица...
Когда бъ не ныла поясница...
Онъ круто влѣво повернулъ...
Вдругъ слышитъ шумъ... Скорѣй въ канаву...
Проползъ и обмеръ... Сто шаговъ —
Онъ могъ наткнуться на заставу —
Толпа солдатъ и мужиковъ...
Въ канавѣ ночь онъ пролежалъ,
Подъ утро счастливо бѣжалъ...

VI

Невольно вспомнились ему
Былые дни... Безъ колебанья
Шелъ на лишенья и страданья,
Всегда готовый ко всему.
Онъ твердо зналъ: такъ быть должно:
Погибъ одинъ — придутъ другіе!..
Спасти знамена дорогія,
А остальное — все равно!..
Чужда дѣйствительности сѣрой,
Душа была опьянена...
Онъ жилъ мечтой, держался вѣрой,
И смерть казалась не страшна...
И было многое тогда,
Что вдругъ исчезло безъ слѣда...

VII

Теперь не то... Иллюзій нѣтъ...
Онъ на распутьи... Одинокій
Встрѣчаетъ жребій свой жестокій,
Безцѣльно гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ...
Мятежъ, крушенье, Окербломъ —
Не въ этомъ дѣло!.. Есть другое,
И безнадежное, и злое,
Что острымъ врѣзалось угломъ...
Его враги — то плоть отъ плоти
Того, чему служилъ и онъ!
Въ одномъ барахтались болотѣ!
Какой кошмарный, дикій сонъ!..
И нѣтъ спасенья... У черты!
О, гдѣ вы, прежнія мечты?!..

VIII

Такъ стоитъ-ли? Къ чему страдать?
Въ душѣ досадные осколки,
Они такъ рѣжущи, такъ колки,
Что, кромѣ боли, могутъ дать?!..
Животный страхъ владѣетъ имъ!..
Спастись, чтобъ жить, — какъ это глупо!
Какая цѣль въ спасеньи трупа?!..
Допустимъ, здравъ и невредимъ,
Онъ отъ преслѣдованій скрылся
И гдѣ нибудь, вдали, въ глуши,
До лучшихъ дней въ нору зарылся —
А скорбь истерзанной души?
А память? А сверлящій умъ?
А горечь безпокойныхъ думъ?!..

IX

И мысли путались. Едва-ль
Онъ сознавалъ, что съ нимъ творится,
И то какъ будто бы бодрится,
То вновь сожметъ его печаль...
А снѣгъ сильнѣе и сильнѣй...
Полутемно... Нависли тучи...
Пустырь... Тутъ — рытвины, тамъ — кучи...
Вдали мерцанье фонарей...
Абрамъ едва волочитъ ноги...
Онъ простудился и продрогъ...
Еще на часъ ему дороги...
Казалось, легъ бы, если бъ могъ...
Но дѣлать нечего — впередъ!..
Что, если Лизы не найдетъ?!..

X

Темнѣетъ быстро... Но вездѣ
Автомобилей вереницы...
Теперь — хозяева столицы,
Себѣ на радость, ей — къ бѣдѣ...
То — большевистскій Петроградъ:
Солдаты, женщины, студенты,
Знамена, ружья, банты, ленты —
Революцьонный весь парадъ.
Грузовики и легковые,
Большія шапки, лѣсъ штыковъ,
Лихія позы боевыя,
И вой пронзительный гудковъ...
И гонка бѣшеной была —
Еще бы! Срочныя дѣла!..

XI

Полъ-Петрограда перебрать,
Чтобы оглянуться не успѣли —
Не даромъ такъ они летѣли,
Не даромъ ихъ такая рать!..
Стрѣляютъ въ воздухъ, пѣнье, гулъ,
Перекликаются другъ съ другомъ,
И рядомъ съ грустью и испугомъ
Безстыдный, низменный разгулъ...
Спѣшатъ приняться за расправу!
Народный, справедливый судъ...
Кто сдержитъ дикую ораву?!..
Все разгромятъ и разнесутъ...
«Подъ пролетарскою пятой!» —
То не былъ только звукъ пустой!..

XII

На тротуарахъ толкотня...
Мѣстами — жуткія картины;
Тутъ расхищаютъ магазины,
Тамъ просто крики и возня,
И все волнуется окрестъ...
Тамъ силой ломятся въ ворота...
Вездѣ своя идетъ работа,
Другъ съ другомъ спорятъ изъ-за мѣстъ...
Ужъ видны новые наряды,
Кой-какъ напялены на рвань...
И торжествующіе взгляды,
И отвратительная брань...
«Держите, воръ!..» — Изъ-за угла,
Промчался кто-то, какъ стрѣла...

XIII

Вотъ гдѣ-то частая стрѣльба...
Стрѣльба и здѣсь... Шальныя пули...
Красноармейскіе патрули
Бѣгутъ на выстрѣлы... Гурьба
Какихъ-то полупьяныхъ бабъ —
Идутъ, орутъ, простоволосы...
За ними пьяные матросы...
Одинъ все валится — ослабъ...
Опять толпа... Должно быть, драка...
Свалили что-то... Грохотъ, крикъ...
Въ крови, въ грязи, средь полумрака,
Ликуй россійскій большевикъ!..
А въ небѣ блѣдная луна...
Ясна, спокойна, холодна...

XIV

Абрамъ не зналъ, куда итти...
Къ Ревеккѣ? Тамъ должна быть Лиза,
Но опасался онъ сюрприза...
Когда бъ Измайлова найти!
Онъ и Петровъ тому шесть дней
Уйти рѣшили къ Гольденброту,
Здѣсь по пути, въ седьмую роту...
Пожалуй, было бы вѣрнѣй
Послать сначала имъ записку...
Вотъ, кстати, чей-то мальчуганъ...
А если ихъ подвергнетъ риску?
Абрамъ оставилъ этотъ планъ.
И все равно: сейчасъ, потомъ...
Рѣшилъ итти онъ на проломъ...

XV

Стоитъ мужчина у воротъ,
Ружье торчитъ изъ подъ тулупа...
Итти назадъ — но было бъ глупо...
Подходитъ ближе — Гольденбротъ...
Едва удерживаетъ крикъ...
«Что Лиза?» — «Все благополучно!
Ревекка съ нею неразлучно.
Сегодня былъ... Съ трудомъ проникъ...
Теперь вездѣ конспиративно...
Но здѣсь дѣла! Хоть умирай!
Глядѣть и страшно, и противно...
Вотъ онъ, ихъ большевистскій рай!..»
Калитку быстро распахнулъ,
Абрамъ, какъ тѣнь, въ нее скользнулъ...

XVI

«Освобожусь я черезъ часъ» —
Шепнулъ Абраму онъ въ догонку. —
«Дежурю! Задали намъ гонку!..
Пароль сегодня «Арканзасъ».
Абрамъ звонитъ — не описать:
Надѣлалъ онъ переполоха.
Разспросы, шумъ и суматоха,
И слова не даютъ сказать.
Такъ ясны имъ его мотивы
Но возвращаться въ этотъ адъ!
Враги и злобны, и ретивы —
Всего опаснѣй Петроградъ!..
Вдругъ прослѣдили? Вдругъ найдутъ?
Непродолжителенъ ихъ судъ!..

XVII

Одинъ Абрамъ спалъ въ эту ночь...
Друзья томятся, курятъ, ходятъ,
Другъ друга спорами изводятъ,
Не знаютъ, какъ и чѣмъ помочь...
Само собой, бѣжать вдвоемъ —
И думать нечего объ этомъ.
Ихъ опознаютъ по примѣтамъ,
Вездѣ есть свѣдѣнья о немъ.
Во всякомъ случаѣ, столицу
Покинуть тотчасъ долженъ онъ :
Путь на финляндскую границу
Еще открытъ со всѣхъ сторонъ...
Но встрѣча съ Лизой — для него
Теперь опаснѣе всего...

XVIII

Абрамъ все сразу оборвалъ.
«Да, господа, вашъ планъ прекрасенъ,
Но не могу... Я не согласенъ...
Я не безцѣльно рисковалъ:
Для Лизы я пришелъ сюда...
Я зналъ — иду на встрѣчу смерти,
Но не страшитъ меня, повѣрьте,
Моя несчастная звѣзда...
Я ослабѣлъ вчера... Простите...
И жить, и умереть вдвоемъ...
Помочь не трудно — помогите,
Нельзя — пойду своимъ путемъ!..»
«Самоубійство!..» — «Нѣтъ, борьба!
Погибну, значитъ — не судьба!..»

XIX

И, правда, видно не судьба...
У дома, гдѣ жила Ревекка,
Сначала два-три человѣка,
Потомъ — ихъ цѣлая гурьба,
И, наконецъ, самъ Комаровъ...
И все разсыпалось по дому...
Они пришли не по пустому...
Квартиръ пятнадцать нумеровъ,
Но только въ двухъ они копались,
Смотрѣли въ прочихъ кое-какъ.
Ревекка съ Лизою попались,
Когда бѣжали на чердакъ.
И Лизѣ не дали вздохнуть:
Автомобиль, гудокъ, и въ путь...

XX

Какой-то рыжій господинъ,
Онъ рядомъ съ ней... Два револьвера
Грозятъ ей смертью... За шофера
Студентъ... А съ нимъ еще одинъ,
Нескладный, толстый и большой...
Но странно: сердце точно рвалось,
И все кружилось, и сливалось,
А гдѣ-то тамъ, внутри, душой
Такъ ясно схвачена картина:
Дрожитъ пэнснэ, съ горбинкой носъ,
Рубаха чернаго сатина,
Чихаетъ, кашляетъ колосъ,
Студента грязная рука
И звуки рѣзкіе свистка...

XXI

Она сидитъ, закрывъ глаза,
Чтобъ не смотрѣть на эти дула...
На видъ, какъ будто бы заснула,
Но за слезой бѣжитъ слеза...
Абрамъ!.. Ушелъ!.. Бѣжалъ!.. На вѣкъ!..
И эта мысль стучитъ, какъ молотъ...
Тоска... Какой-то странный холодъ...
Сухой, жестокій человѣкъ!..
Везутъ... Куда? Держать залогомъ?
Напрасно: пройдена черта...
Ея вина — вина предъ Богомъ,
А предъ людьми она чиста...
Ушелъ!.. Бѣжалъ!.. Но какъ онъ могъ?!..
То за отца караетъ Богъ!..

XXII

Огромный домъ... Кругомъ народъ.
Толпятся, крики, шумъ и споры...
Ведутъ... Все время корридоры,
За поворотомъ поворотъ...
Открыли дверь... Какъ будто классъ...
На право — столъ, на лѣво — парты,
Межъ оконъ двѣ большія карты...
Нѣтъ никого... «Придетъ сейчасъ!..»
Они ушли... Она стояла,
Какъ изваянье, у стѣны,
Душой померкла и увяла,
Глаза въ окно устремлены —
Какъ будто пропасть передъ ней...
А сердце бьется все сильнѣй...

XXIII

Дверь распахнулась — Комаровъ...
Изъ кожи куртка, брюки тоже
Изъ тонко выдѣланной кожи,
Грудь — въ сѣти кожанныхъ шнуровъ:
Свистокъ, револьверы, кинжалъ,
Какъ будто даже эксельбанты...
Изъ красныхъ лентъ большіе банты...
Онъ не вошелъ — скорѣй вбѣжалъ.
Они вдвоемъ. Онъ заперъ двери,
Ей указалъ рукой на стулъ.
«Должны признать, по крайней мѣрѣ,
Что васъ тогда не обманулъ...
Садитесь... Что вы? Вы больны?
Охота жаться у стѣны!..»

XXIV

Казалось, онъ помолодѣлъ.
Свѣжѣй на видъ, къ лицу подстриженъ,
И какъ-то болѣе подвиженъ,
Какъ будто даже похудѣлъ.
Держался прямо, взглядъ яснѣй,
Морщины менѣе глубоки,
Исчезли прежніе отеки,
И голосъ чище и звучнѣй.
Но руки жуткія, какъ прежде —
Большія, красныя, въ узлахъ,
При этой кожанной одеждѣ
Могли внушать особый страхъ.
Старался быть любезнымъ онъ
И, сколько могъ, смягчалъ свой тонъ.

XXV

«Абрамъ бѣжалъ?» — Она молчитъ.
Онъ усадилъ ее насильно.
«Но, согласитесь, это стильно:
Кто суетится? Кто кричитъ?
Кто всѣхъ задорнѣй и бойчѣй?
Всегда Абрамъ... Но чуть опасность —
Прощай энергія и властность,
Прощай огонь его рѣчей,
Бѣжитъ, какъ заяцъ... Пусть по счету
Уплотятъ тѣ, кто почестнѣй...
Но нѣтъ! Потребуемъ къ отчету,
Поймаемъ раньше иль позднѣй...
Всесильны мы, къ его бѣдѣ —
Онъ не укроется нигдѣ...

XXVI

«А васъ оставилъ? Очень милъ!
Все къ одному! Все въ томъ-же стилѣ!
Овечка вы... Уже простили...
Чѣмъ этотъ трусъ васъ такъ плѣнилъ?!..
Ей Богу. Лиза, вы чудакъ!
Вы мнѣ не вѣрили: лгунишка,
Болтунъ, посредственная книжка...
Не говорю, что онъ дуракъ,
Но не уменъ. И въ каждомъ дѣлѣ
Вертитъ, юлитъ, какъ бѣсъ хитеръ...
Вы ничего не разглядѣли...
Предупреждалъ я васъ: актеръ!
Передавалъ мнѣ какъ-то Ротъ,
Какъ васъ тиранилъ этотъ скотъ!..

XXVII

«Эхъ, Лиза! Какъ мнѣ съ вами быть?!..» —
Онъ принужденно улыбнулся.
«Когда-то... Впрочемъ!..» — Онъ запнулся. —
«Могли бы вы его забыть?» —
Молчанье. — «Я не тороплю...
Не говорю: сейчасъ, за мною...
Я дамъ вамъ время... Я не скрою:
По правдѣ, искренно люблю...
Такъ какъ-же, Лиза?!..» — Нѣтъ отвѣта.
Сидитъ потупясь, смотритъ внизъ.
«Конечно, я — другого свѣта,
Но онъ вѣдь также не маркизъ...
Не забывайте: вы — одна,
Что-что, опора вамъ нужна!..»

XXVIII

Онъ къ ней приблизился. Она,
Вскочивъ, отпрянула: «Какъ можно!..
Оставьте! Господи!.. Безбожно!..»
Стоитъ испугана, блѣдна,
И замеръ крикъ... Лицо въ слезахъ,
Впередъ протянутыя руки...
И столько ужаса и муки
Въ ея расширенныхъ глазахъ,
Что отступаетъ онъ невольно...
«Не надо! Вотъ какъ!.. Все равно!..»
И душитъ гнѣвъ... И стыдно... больно...
Онъ молча сталъ смотрѣть въ окно...
«Не надо!» — повторилъ онъ вновь. —
«Да и какая тутъ любовь!..»

XXIX

«Ну-съ, хорошо!» — Въ глазахъ укоръ,
Стоитъ нахмурясь передъ нею. —
«Клянусь вамъ, отъ стыда краснѣю,
Что поднялъ этотъ разговоръ.
Вы правы. Вамъ не по плечу
Такой, какъ я... Абрамъ понятнѣй,
Для глаза женскаго пріятнѣй...
Васъ оскорблять я не хочу,
Но правда: въ васъ искалъ натуру,
А что нашелъ? Желе! Кисель...
Любовь — служеніе Амуру,
Смѣшна такая канитель...
Я не Абрамъ. Зову я въ бой,
Зову, какъ друга, не рабой...

XXX

«Онъ — полубаринъ, я — мужикъ,
Онъ жилъ словами, я — трудами,
Чего достигъ — достигъ годами,
И онъ погибъ, а я великъ.
Онъ шелъ дорогой, я — тропой,
Онъ вѣрилъ въ сказки, я — въ природу,
Служилъ себѣ онъ, я — народу,
Онъ — надъ толпой, а я — съ толпой...
И я мечталъ, насъ жизнь развяжетъ,
Поймете, съ кѣмъ должны итти,
И сердце женское подскажетъ,
Что вамъ со мною по пути...
Но вижу: я ошибся въ васъ —
Тѣмъ хуже для обоихъ насъ...

XXXI

«Онъ бросилъ васъ, но вы вѣрны,
Міръ измѣнился — вы все та-же,
Хотите мучиться на стражѣ
Уже разрушенной стѣны...
Пусть будетъ такъ! Пойду одинъ...
Все это — старая закваска,
Дерзаній нѣтъ! На все — указка,
Отъ юныхъ лѣтъ и до сѣдинъ!..»
Какъ камни, онъ бросалъ съ размаха
Свои недобрыя слова.
У Лизы отъ тоски и страха
Уже кружилась голова.
Они вдвоемъ, и онъ сильнѣй —
О, Господи! Что будетъ съ ней!..

XXXII

«Не бойтесь, силой не возьму!..» —
Ея онъ понялъ опасенья. —
«Но все равно: вамъ нѣтъ спасенья —
Васъ долженъ заключить въ тюрьму.
Для насъ вы — цѣнность, вы — залогъ,
Пока Абрамъ придетъ — не болѣ.
Мы безпощадны по неволѣ...
Васъ убѣдить, увы! не могъ!..»
Не скрывъ ни гнѣва, ни презрѣнья,
Усильемъ воли поборовъ
Свои послѣднія волненья,
Она сказала: «Комаровъ!
Ведете гнусную игру!..
Любить васъ?!.. Нѣтъ! Скорѣй умру!..»

XXXIII

Какъ львица, стала передъ нимъ...
Онъ разсмѣялся. «Бросьте сказки!
Я терпѣливъ! Дождусь и ласки!..
Въ тюрьму!.. А тамъ поговоримъ!..»
Свистокъ... другой... Два молодца,
И Лизу грубо ухватили...
«И помни, Лиза, или-или!..»
Ведутъ... И снова безъ конца
Изъ корридоровъ въ корридоры...
Спѣшили, точно на пожаръ...
Кругомъ — насмѣшки и укоры,
А временами — и ударъ...
«Буржуйка!» — кратокъ приговоръ...
Какой возможенъ разговоръ!..

XXXIV

Уже въ сѣняхъ... Но въ этотъ мигъ
Широко двери распахнулись,
И два теченія столкнулись...
Вдругъ до ушей ея достигъ
Знакомый голосъ, точно стонъ...
И слышны крики слѣва, справа:
«На мѣстѣ быть должна расправа!
Сюда его!.. Убійца!.. Конъ!..»
«Абрамъ!.. Любимый!..» — И въ мгновенье
Она отбилась и бѣжитъ...
Въ его объятьяхъ... Шумъ, волненье.
Смѣется, плачетъ, вся дрожитъ...
«За мной пришелъ... За мной... За мной...
Онъ здѣсь!.. Мы вмѣстѣ, мой родной!..»

XXXV

Въ душѣ Абрама все поетъ,
И онъ, какъ бѣшенный, схватился...
Въ рукахъ револьверъ очутился...
Толпа кричитъ: «Держи!.. Уйдетъ!..»
Упорно Лиза впереди,
Собой Абрама заслоняетъ...
Ее онъ нѣжно отстраняетъ
И говоритъ ей: «Уходи!..
Еще есть время... Къ двери... Влѣво!..»
Раздался выстрѣлъ... Тамъ еще...
И крики ужаса и гнѣва...
Абрама ранили въ плечо...
Стрѣляетъ онъ, въ него пальба...
Увы!.. Неравная борьба...

XXXVI

«Сдавайся!» — крикнулъ Комаровъ.
Стоялъ онъ крупною мишенью,
И видно было по движенью
Его напутанныхъ шнуровъ,
Что онъ ровольверъ доставалъ...
Но драма кончена... Со стономъ
Абрамъ откинулся къ колонамъ,
Вдругъ пошатнулся и упалъ...
Еще онъ живъ, но грудь пробита,
Въ глазахъ — предсмертная тоска...
А Лиза — та давно убита —
Въ крови, что льется изъ виска...
Любовь огни ея зажгла,
Въ любви и смерть она нашла...

Типографія ЯКУБОВИЧА и РОМАНО

Imprimerie «Graphique»
15, rue St-Gilles, Paris (3e)

Prix : 10 Francs.